

КИНОПОЛЬСКИЙ ВОЛК

Алекс Реут

Алекс Реут

Кинопольский волк

«Издательские решения»

Реут А.

Кинопольский волк / А. Реут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909996-9

Александр Волченя приехал в этот большой прибалтийский город поступать на биофак. Однако, в городе живут не только люди, но и ещё один, родственный вид. Это оборотни. Волченя один из них. И на оборотней открыта охота.

ISBN 978-5-44-909996-9

© Реут А.

© Издательские решения

Содержание

Часть I. Новый человек в городе	6
I. В плацкартном вагоне	6
II. Воспоминание о путешествии в Кёнигсберг	14
III. Троллейбус Ненависти	20
IV. W	29
V. Гражданские сумерки	35
VI. Зелёный Домик	38
Часть II. Волчье-Ягодное	43
VII. Бечёвка через море	43
VIII. Третья Коалиция	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Кинопольский волк

Алекс Реут

Посвящается Ветеринарше (Серебряковой)

*Утверждать что человек человеку волк – это нечто абсурдное,
так как волки по отношению к волкам очень ласковые животные.*

Энтони Эмили Купер, третий граф Шефтсбери

© Алекс Реут, 2018

ISBN 978-5-4490-9996-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Новый человек в городе

I. В плацкартном вагоне

В день, когда начались убийства, Александр Волченя ехал в Кинополь поступать на биологический факультет КГУ.

– Всё потому, что к нам люди божьи из Кореи приехали! И священник у них, человек совсем святой! Как приехали, так сразу всё лучше и лучше становится.

В плацкартном купе ехали трое. Старушка, востроглазая и бойкая, – такие часто атакуют поезда на крошечных придорожных платформах, с огромными баулами на плечах и голосом, способным заглушить сирену воздушной тревоги. Широкоплечий мужчина с подстриженной бородой и в штанах цвета хаки. И худой парнишка лет шестнадцати-семнадцати с тёмными волосами, которые пытались дорасти до плеч, но пока просто торчали во все стороны. Последний сидел возле окна, читал книгу и что-то помечал в полуобщей тетради.

За окнами поезда бежал чёрный лес. Над верхушками деревьев – небо с алым отсветом зари, похожее на железный лист, раскалённый огнём восходящего солнца.

– Из Кореи? – мужчина удивился, – Буддисты, что ли?

– Да какие тебе буддисты! Христиане, самые настоящие. Всем помогают, богослужения проводят, такие красивые. У них там ещё с царских времён епархии.

– Что-то, бабушка, вы не то говорите. Корея, и вдруг христиане.

– А вот и христиане! Бог – он везде проникает. У нас вот тоже была скверна языческая. Но пришли к нам святители, и вот уже Третий Рим. А потом, как у нас началась вся бесовщина с колхозами, они уже и в Корею забрались. Устроились там и корни пустили. Окрестились, стало быть, и вот опять к нам едут, как наши ехали Грецию освобождать. Святые люди своего не упустят! Раньше у нас в Кинополе только развал был, блуд и матерщина, а теперь они пришли – и сразу как посветлело, да! На стадионе раньше футбол был, игрища бесовские, а теперь всё чинно – каждую неделю богослужение, все трибуны заполнены. И благодать на всех такая, знаете, благодать... что плачут все прямо.

– Ну, бабушка, футбол для Кинополя – это небольшая потеря. Всё равно они только проигрывать умели.

– Вот! Нечего об этих игрищах жалеть! Страшный суд уже на пороге, а они об играх думают. Отец Валтаким так и сказал – как будет конец света, так все уверуют, да только слишком поздно будет!

– Конец света? – мужчина с трудом подавил улыбку, – А отец Валтаким говорит, когда он случится?

– Он говорит, что точно не знает никто, потому что Господь всем хочет дать шанс на спасение. Но уже очень скоро начинается. Вот телевизор если посмотреть! Всё больше бурь, землетрясений, ураганов. А потом начнётся настоящий ужас: земля откроется, кровь и лава из неё потекут, а небо треснет и вниз посыплется.

– Как же оно посыплется, бабушка? В небе только воздух, а дальше вакуум.

Старушка подозрительно нахмурилась.

– Точно воздух?

– Точно, бабушка. Гагарин летал и не стукнулся. Помните?

– Значит, это оно только сейчас из воздуха. А по Слову Божиему вмиг затвердеет!

И старушка перекрестилась, глядя на небо. За окном мелькнули перрон и облупленные перила платформы «Чертопханово».

– Да уж, опасное будет время. Отец Вальтаким случайно не говорил, как выжить тому, кто верует?

– От него не защитишься и не скроешься! Но праведные, кто уверует, – они все спасутся. Отец Валтаким так и говорит: когда потоп был, когда конец света будет – это думать не надо, простому праведнику умности ни к чему. Всё равно увидим, как начнут. Да оно уже начинается, вот увидите. А мы в Церкви Воссоединения, так что нам даже смотреть не надо. Все спасутся, на каждого благодать!

– Надо же, как удобно. А как к вам официальная церковь относится?

– Осуждают, фарисеи! Ничего святого нет! Правду говорят, что там половина священников в КГБ была записана, а другая половина записана до сих пор! Отступили от благодати, и суда нет, не избегнут! Только и умеют, что изрыгать хулу на праведных! А вот отец Валтаким такого никогда не позволяет. Так и говорит: «что толку этих сучьих детей, этих христопродавцев вонючих, вере учить? В аду их, крыс шелудивых, научат». Он знает, что человеку надо! Каждый раз на служении раздают что-нибудь. Чайники электрические, посуду, из одежды что-то бывает. «Праведники, – говорит отец Валтаким, – должны хорошо жить, и в Царство Божие войти с чистыми руками». Мыло вот в прошлый раз давали.

– Разве в магазине мыла нет?

Старушка посмотрела на него почти снисходительно.

– Бесплатного – нет! А в Церкви Воссоединения всё благославлением Божиим обретается. И проповеди такие говорят, такие проповеди. Вы бы вот тоже сходили послушать! Очень интересно там, и получить чего-то можно.

– Нет, бабушка. У нас своё дело.

– Это какое? Разве есть дело, где можно без Божьей Помощи обойтись?

– Охотничье дело, бабушка. Какой там святой за нас отвечает?

– А в Церкви Воссоединения святых нет!

– Вот оно как... Тогда не интересно.

В окне замелькали перекладыны железнодорожного моста. На кроваво-красной реке чернел небольшой лохматый островок, а чуть дальше прятались в лесу деревянные домики, окружённые кое-где проломленной оградой.

– Вот, кстати, пример того, что у нас творится. Видите этот лес? Это вроде как заповедник, охранная зона. Но охраняют его не лесники, а некая особая комиссия по чему-то-там с лесными ресурсами и популяцией животных. Или Мантейфель, если по-простому.

– Мантейфель? Немцы, что-ли?

– Нет, это вроде как дань традиции. Комиссия имени Мантейфеля. Какого Мантейфеля, не уточняют. Может быть, биолога Мантейфеля, который был первый директор Московского зоопарка. А быть может того Мантейфеля, который был генерал, у фашистов танковой армией командовал, а после войны как ни в чём ни бывало в Бундерстаге сидел. Формально эта комиссия приписана нашему к министерству природных ресурсов. Хотя на самом деле, там почти все из бывших военных, причём в чинах довольно высоких. А вся их работа по охране – это отхватить себе почти весь заповедник, речку и бывший пионерский лагерь. Теперь на въезде шлагбаум и егеря озверелые. А что внутри – никто не знает.

– Язычники они, что ли? Духам жертвы в лесу приносят?

– Какие к чёрту язычники! У них один бог – та самая Маммона. Коттеджики себе наверное строят, а пионерский лагерь даже покрасить не могут, заброшенный стоит. И так сейчас везде. На другой стороне города, возле порта, завод прямо через лесополосу площадку разравнивает. Протестуют только экологи – то есть можно сказать, что никто. Мы, охотники, в это всё не лезем, конечно, но тут хочешь или не хочешь, а знать будешь, что с лесами творится. Прогресс и капитализм налицо! В городе всё уже украли, остаётся леса воровать.

– Так не может быть, чтобы никто по рукам дать не мог!

– А кто даст? Охотники в людей не стреляют, у экологов даже ружей нет, в судах у этих ворюг все свои, а ваш Бог – он высоко слишком, ему оттуда не видно. Скоро вообще леса не останется. С одной стороны будет море, а с другой – заборы и ещё раз заборы. И охрана возле шлагбаума.

– Да, они как волки хищные... Но нет, не страшно оно! Вот помяните моё слово – поздно уже волноваться! Скоро всё равно конец света, там и откроется. А пока что есть, берите, потому что после конца света сами знаете, брать ничего не разрешат.

– Эх, бабушка, до этого вашего конца света как до коммунизма – ещё дожить надо. А эти, в коттеджиках, спят спокойно – у них охрана есть. Вот, например, волки. Вы, например, знаете, что волк человека почти не боится и с радостью им обедает? И что питается он в основном из наших с вами скотомогильников? А сейчас, когда в деревнях невесть что, в лесу полно подранков – тут браконьерам спасибо – а охотничья служба развалена, то никто не знает, сколько в лесу волков. Зато очень хорошо известно, что волк взрослых мужчин – боится, женщин – почти не боится, а детей не боится совсем. И человек для волка даже не конкурент, а трудно добываемая, но очень лакомая добыча. Что получили? Каждую неделю в газетах: волки напали, волки загрызли, волки съели и унесли. Охрана не ведётся, отстрела целенаправленного в помине нет. Волки едят людей, а людям всё равно.

– А куда ж министры смотрят с президентом?

– В другую сторону они смотрят, бабушка. А волками занимается Мантейфель. Тот самый, чьи коттеджики мы сейчас проезжали. И тот, у кого коттеджик в лесу, спит там спокойно, потому что волки своих не трогают, они в деревнях закусывают, которые возле леса. Скоро как в царской России у нас будет. Знаете, сколько народу волки в год тогда съедали? От тысячи до полутора! И это притом, что населения было раза в два меньше.

– У Матвейчева ненадёжные данные!

Воцарилось молчание.

Мальчик оторвался от книги и смотрел на них полыхающими чёрными глазами.

Охотник удивился..

– А ты откуда про Матвейчева знаешь?

– Это самая подробная книга о волках из недавно вышедших. Ещё есть грузинская монография по этологии, но она про другое. А вот книга Матвейчева очень хорошая, но статистика по нападениям довольно ненадёжна. Он даже в источнике ошибся. Говорит, что взял у Зворыкина, хотя на самом деле это Генерозов, который собрал данные по отчётам полицейского ведомства ещё царских времён. А этим отчётам верить нельзя. Там каждый год одни и те же цифры. А если цифры каждый год одни и те же – значит, их никто не считает, а просто берут прошлый год и переписывают снова.

– Ну допустим. А откуда же взялись самые первые цифры? С которых переписывать начали.

– Если заглянуть в отчёты, всё становится ясно. Выяснится, что при царе и волки были не чета нынешним: чаще всего нападали на купцов, урядников и почтовые кареты, а нужны им были не люди, а деньги, кольца и то, что в повозке.

– Так что, по-твоему, настоящие волки на людей не нападают?

– Нападают. Но не так часто, как пишет Генерозов. В США за три года, с 1916 по 1918, было около тысячи пятисот случаев просто нападений. И процент смертельных совсем небольшой.

Охотник, смутившись, посмотрел на книгу, которую отложил его неожиданный оппонент. Книга называлась «Руководство по организации и обработке зоологических наблюдений», за авторством Любичева.

– В животных ты, похоже, разбираешься.

– Тут не обязательно в животных разбираться. Достаточно книги сравнить. Сразу станет ясно, кто у кого переписывает.

– То есть Матвейчев, по-твоему, списал не у того?

– Матвейчев хорошо написал, но не всё проверил. У него и источников было немного. До тридцатых годов, пока коллективизация не началась, волки вообще мало кому интересны. Самая первая нормальная публикация – это «Волк» Сабанеева, но она вышла ещё в 1887. Представляете, какая старина? Александр Второй ещё живой, пять лет прошло, как Дарвина издали. Потом, вплоть до тридцатого года, сплошное затишье, ничего нового. А вот как появились колхозы, коллективизация пошла – сразу выходит целая серия про то, как волков ловить, бить и истреблять. Весь скот стал советским, а советская власть не любила, когда у неё воруют. Для нашей науки тридцатых волк – это не просто хищник, это самый настоящий классовый враг. Сразу вспомнили, что он «серый помещик». Его не изучали, а истребляли. Зворыкин открытым текстом пишет: о волке мы знаем мало. Книжечек издали много, но о повадках там почти ничего. Три темы – как выслеживать, как стрелять, как разделывать тушу. Хотя мясо у волка не вкусное.

– Ладно, про мясо ты прав. Но ты, надеюсь, согласен, что при Советах волк своё место знал?

– Знал. И не рез пытался вырваться. В семьдесят третьем даже в Главохоте были уверены, что волк нашим овцам больше не опасен. Прошло лет пять – и в конце семидесятых волков опять навалом. Никто толком не знал, почему.

– Звери расплодились?

– Или какой-то свой цикл. Демография животных – штука сложная.

– Надо же, – усмехнулся охотник, – дети какие пошли. Лучше меня знают, что было в Главохоте.

– Это я к вступительным экзаменам готовился.

– И на кого ты будешь поступать? Неужели будущий зоолог?

– Этолог, если быть точным.

– Этолог – это кто?

– Зоопсихолог. Изучает поведение животных. Их характер, повадки, воспитание, формирование, инстинкты, рефлексии...

– Надо же, какие науки есть. И, судя по поезду, – охотник оглянулся по сторонам, – поступать ты будешь в Питер?.

– Разве в Питере учат, – отмахнулся будущий натуралист, – Там ни этологии, ни ветеринарии. Энтомологи есть, этого не отнять, но с животным миром там послабее. Вот в Москве школа хорошая, но они там на биоинформатике повернулись. А этология, за какую не стыдно, есть только в Кинополе.

– В Кинополе? Биология? Да тут футбола нормального нет!

– Естественно, что нет! Все футболисты ушли в биологию.

Отсюда, с третьего этажа Южного Вокзала, Кинополь казался почти бесконечным.

Даже не верилось, что он будет жить в таком большом и замечательном городе. Уже привокзальная площадь казалось ему небольшим музеем. Высокие, ещё сталинского ампира дома с полукруглыми окнами и выступающими колоннами, трамвай, зазвеневший прямо под ногами, пёстрые рекламные щиты – всё казалось невероятно красивым.

– Давно ждешь?

– Нет, минуты две-три.

Александр Волченя обернулся и кивнул, сдержанно улыбаясь и по-прежнему не выпуская из рук книгу Любищева.

Волчеля немного боялся, что дядя его просто не найдёт – ведь прошло уже пять лет – и всё равно просил встретиться не на перроне, а возле огромного круглого окна, немного похожего на окно-розу готического собора. Будущий студент хотел получше разглядеть город, в котором ему предстояло учиться.

– Можно, я тоже буду тебя Лаксом называть. Сестра постоянно так говорит, так что я не представляю тебя под другим именем.

– Да, конечно. Меня все так зовут.

Дома, в Оксиринске, его называли Лаксом и мать, и одноклассники, и даже некоторые учителя. Новое имя приклеилось где-то в младшей школе. Уже тогда его почерк был таким неразборчивым, что ему прочили карьеру врача или программиста. Когда маленький Волчеля подписывал тетради, первое «А» в слове «Александр» так и норовило склеиться с «л», а «е», в свою очередь, было неотличимо от «а». Учителя, привыкшие к латышским словоформам и западно-полесскому самосознанию, думали, что это имя и так и читали – «Лаксандр Волчеля». Позже одноклассники урезали это до «Лакса».

Волчеля не возражал и решил, что при случае даст это имя какому-нибудь новооткрытому виду.

– Насмотрелся?

– Да. У вас замечательный город.

– Если пожить – он становится ещё лучше.

Дядя Волчеля со стороны матери – Антон Триколич – не был похож на сестру. В меру упитанный и сангвиничный, он смотрел на мир с одобрением. Глядя на его толстые пальцы, мало кто мог бы поверить, что он хороший хирург, а увидевший лицо ни за что бы не догадался, что он уже почти десять лет жёстко, чётко и умело руководит небольшой ветеринарной клиникой, которая считалась одной из лучших не только в Кинополе, но и во всей Прибалтике.

Имелись у Триколича заслуги и перед философией – один раз, ещё в студенческие годы, с него нарисовали Дэвида Юма для так и не вышедшего учебника.

– Как ты себя чувствуешь? Приступы не вернулись?

– Немного есть. Перед глазами темнеет, и голова становится тяжёлой-тяжелой. Кровь приливает, наверное.

– Что-нибудь с цветами происходит?

– Да, происходит, – Лакс сглотнул, – всё становится такое тусклое-тусклое, и жёлтое. Словно сквозь жёлтую воду смотрю.

– Когда последний?

– Позавчера.

– На ногах держишься?

– Да. Я привык почти. Только судороги по утрам... – Волчелю передёрнуло, – это действительно страшно. Иногда так больно, что кричать начинаю.

– Ты волнуешься. Перед экзаменами – это нормально. Как только поступишь, сразу отпустит – вот увидишь.

– А если не поступлю?

– Всё равно отпустит. Так что не о чём волноваться.

Лакс не разбирался в автомобилях. Но даже ему было достаточно одного взгляда на машину Триколича, чтобы понять – владеть клиникой дело доходное.

Сумки и книга отправились на самое дальнее сиденье, а Волчеля устроился впереди, не забыв пристегнуться.

– У меня не больше часа, – сообщил Триколич. – Они думают, что я должен быть на конференции. Когда первый экзамен, кстати?

– Я на подготовительный поступаю.

– Да? А в письме про это было?

– Было.

– Значит, я не дочитал.

Машина тронулась. Над головой мелькнул огромный рекламный щит «Церковь Воссо-единения зовёт всех страждущих». Лакс вспомнил разговор в поезде и почувствовал гордость. Он слышал про то, что пишут на рекламных щитах, – а значит, уже не был здесь чужим.

– Я вот что придумал, – продолжал Триколич, – Давай ты поживёшь прямо в клинике? Там есть холодильник, можно поспать, литературы полно. И убирают регулярно.

– Можно. Если клиенты не против.

– От клиентов ты будешь прятаться. Потом, возможно, повысим до ассистента. Увидишь, что у животных внутри.

Триколич свернул на проспект, идеально следуя изгибам трамвайных путей. Лакс опять увидел реку. Дома расступались, открывая вид на мост и многоэтажки другого берега. Волченя старался всё получше запомнить, но получалось плохо. Слишком много всего он видел.

На мост сворачивать не стали. Мимо опять понеслись боковые улочки городского центра. Магазины, ларьки, кафе, ночные клубы, административные здания с широким крыльцом и высокими окнами. В Кинополе было что-то неуловимо столичное.

Снова река и мост. За мостом начинался парк: такой густой, что он казался нетронутым лесом. Когда миновали и его, послышался далёкий слабый шум, похожий на шелест моря. Триколич сбавил скорость.

– Хотя я и опаздываю, но старых друзей навещу.

Он свернул на боковую улочку и затормозил, аккуратно вписавшись в последнее оставшееся место на парковке. Чуть дальше, на ступеньках небольшого двухэтажного здания с лакированными рамами в окнах и арочным входом, проходило, похоже, что-то вроде манифестации.

Манифестантов было человек тридцать, а может и сорок, а может и двадцать четыре – Лакс не был силён в оценке численности представителей этого вида. Они довольно тщетно пытались пикетировать и при этом никому не мешать. Машины проезжали и люди проходили, но к пикету никто не спускался, и высокие окна взирали на них с насмешливым снисхождением.

Чуть в стороне беседовали двое – низкорослая, плотно сбитая девушка с повязкой на коротко стриженной голове, и высокий, тонкий как щепка человек лет тридцати пяти, в клетчатой рубашке и очках с невероятно толстыми стёклами – точь-в-точь такие, как на канонической фотографии известного гаитянского диктатора Дювалье.

Заметив машину, он, видимо, распрощался, и отправился в их сторону. Лакс заметил шрам через весь лоб, уходивший за оправу очков.

– Здравствуйте, пациент Курбинчик, – улыбнулся Триколич, – Как самочувствие?

Курбинчик улыбнулся или скривился – для него это было одно и то же.

– Вы, один из немногих, кто не называет меня «господин следователь». Я в порядке, хотя в ушах иногда бывает звон. Но разве может не звинеть при такой жизни?

– Экологи бунтуют?

– Бунтуют и пикетируют. Но у них ничего не получится. Это известно даже им самим.

– Из-за завода на западной стороне?

– Конечно. Но ситуация такова, что им не на кого опереться. Лес нетронутый, дачников нет. Заповедник Мантейфеля на другой стороне и Апраксин сказал уже, что в это дело не полезет. Много статей в местной прессе: пишут об оживлении промышленности, расширении производств и о том, что Россия вперёд, скоро заживём счастливо. А для животных, по мнению, прессы, предусмотрены парки.

«Говорит, как протокол пишет, – подумал Лакс, взглядываясь в неподвижное лицо следователя, – Интересно, это у него от природы или профессиональное?»

– Да, со всех сторон обложили.

– Кроме того, я только что выяснил, что шансов у зелёных дьяволов не было с самого начала. Вам известно, кто один из основных акционеров?

– Войшкунес?

– Нет.

– Вильковский?

– Нет. Это Кинель, Олег Игоревич.

Триколич присвистнул.

– Да... если так, то всё решено. Он их даже есть не станет.

Курбинчик кивнул.

– Выборы через два месяца. Уже размещён заказ о печатати плакатов. Поэтому рассмотрения жалоб не будет. На это нет времени.

– Я, конечно, только коллега лечащего врача, – Триколич повернулся вбок, словно не хотел встречаться глазами, – и не могу советовать следователю. Но мне кажется, что с этими раскопками вы рискуете окончательно загнать себя в гроб. Я Кинеля знаю, как вы догадались, лично. Он очень адекватный человек и в нём нет ни капли отцовского хамства. Ловили бы преступников, пациент Курбинчик. Ведь это ваша работа.

– Кинель мне интересен, – Курбинчик ещё раз усмехнулся и пошёл обратно к протестующим. Разговор был закончен. Триколич снова завёл мотор.

– Следователь Курбинчик, – пояснил он Лаксу, когда они выехали обратно к трамвайным путям, – Бывший пациент. Не мой, к счастью. В прошлом году в райбольнице его с того света вытаскивали. Не верит никому и знает, что каждый в чём-то, да виноват. А сейчас играет последнюю партию. Этой осенью он сдаст дела и переквалифицируется в юридические консультанты.

– Устал бороться с коррупцией?

– Устал бороться с головой. Аутизм у него, – Триколич поджал губы, видимо, что-то вспомнив, – Пока лёгкий. Потом, быть может, шизофрения. Идеальный человек, чтобы цифры мучить и аферы распутывать. После операции серьёзно сдал и аттестацию уже не пройдёт. Привык человек смотреть на изнанку, так что лицо ему вообще не интересно. Но дело своё знает. Если не сдвинется окончательно – сам Кинель к нему за консультациями будет ходить. И это будет по-настоящему забавно.

Административный центр закончился и Лакс уже приготовился увидеть спальные районы. Но Кинополь оказался хитрее – сначала был ещё один мост, несколько небольших, ещё начала века заводиков со щербатыми кирпичными стенами, а потом побежали заборчики и домики частного сектора. Многоэтажные дома стояли поодаль, утренняя дымка превратила их в мираж. Потом частный сектор закончился – почти так же неожиданно, как и возник, – и улицу обступили стародавние жёлтые трёхэтажки с тенистыми дворами и магазинами на первом этаже. Лакс решил, что они почти приехали. И не ошибся.

Автомобиль выехал на пустынную площадь с кольцевой дорогой вокруг трёх засохших клумб. Сделал круг, свернул на другой луч и остановился перед невесть откуда возникшим офисным зданием, архитектор которого явно вдохновлялся градостроительными симуляторами. Из серых прямоугольников первого этажа рос кристалл синего стекла, расчерченный рамами на правильные квадраты, а угол выдавался немного вперёд и был увенчан пирамидальным шпилем. Сразу за зданием ещё один мостик перемахивал через реку, уже превратившуюся в широкий ручей, а на другой стороне вставала тёмно-синяя стена леса.

Лаксу было немного обидно. Такой большой город и так быстро закончился.

– Забирай вещи. Чтобы два раза не ходить, занесём всё сразу.

Прямо возле входа поблёскивала новенькая стальная вертушка и сидел в стеклянной будке охранник. Возникла заминка: магнитная карточка была только у Триколича, а для Лакса пришлось выписывать временный пропуск. Пока охранник делал записи, Волченя оглядывался по сторонам, завороченный полированным камнем, сверкающей плиткой и люминисцентными лампами, утопленными в навесной потолок.

– Нам на третий.

Лифт поднимался мягко и совершенно бесшумно. Потом прихожая с двумя абсолютно одинаковыми дверями. Ещё в ней имелось незнакомое даже Лаксу растение с широченными листьями, росшее из каменной кадки. Один из листьев, похоже, кто-то погрыз.

– В какую нам дверь?

– В любую. Я снимаю весь этаж.

– А почему никого нет?

– Выходной. Все болеют дома.

Похоже, раньше здесь были комнаты обычного офиса, но смелая перепланировка превратила этаж в миниатюрный пластиковый лабиринт. Они прошли через абсолютно пустую комнату с футуристическими красными креслами и китайскими мотивами на стенах, потом свернули в коридорчик, ещё в коридорчик, забросили по дороге сумки в чулан и, наконец, оказались в небольшой закуске с зашторенным окном и раскладушкой в тени журнального столика. Напротив была втиснута книжная полка, набитая так плотно, что, казалось, она сейчас лопнет.

– Сейчас отсыпайся. Ключи я на стол кладу. Туалет – следующая дверь. Надеюсь, не заблудишься. Где холодильник, объяснять долго, но ты его найдёшь. А я на конференцию, вернусь к вечеру. Они зачем-то хотят меня видеть.

Лакс слабо кивнул. Он привык ложиться поздно и сейчас чувствовал себя так, словно тело стало резиновым. Даже не оглядываясь по сторонам, разделся, заполз под колючее одеяло и уже сквозь полусон услышал, как чавкнула, закрываясь, входная дверь.

II. Воспоминание о путешествии в Кёнигсберг

Лаксу снилось, что его отправили на научную конференцию в бывший Калининград, которому (если верить сну) не так давно вернули прежнее название. Сама дорога изгладилась из его памяти и первое, что он смог хорошенько разглядеть – это большая круглая площадь с пустой чашей фонтана посередине. Кажется, что всё здесь вырезано из одного и того же серого камня, похожего на асфальт: и дома, и дорога, и фонтан и даже затянутое тучами небо.

Несмотря на пасмурную погоду, настроение в автобусе приподнятое. Все бурно обсуждают смелую теорию профессора Контерфита, знаменитого энтомолога из Теннесси. Профессор Контерфит полагает, что динозавры вымерли из-за резкого изменения условий среды, которые были вызваны всемирным потопом. Прославленный биолог Докинз уже признал эту теорию заслуживающей внимания, хотя и отметил, что всемирный потоп произошёл не по слову Божьему, а из-за пока неустановленных природных причин.

Как ни странно, почти все остальные докладчики – это бывшие одноклассники. Поэтому обсуждение идёт бойко и Волченя чувствует себя страшно гордым. Ведь он разбирается в проблеме лучше всех!

– Докинз – это голова, – сообщает Змейковская, с которой Лакс имел несчастье сидеть два года за одной партией, – Если бы не Докинз, я бы никогда не узнала, что президента «Католиков за христианскую политику» зовут Гэри Поттер!

– А всё-таки, с муравьями проблема, – вторят ей из глубины автобуса, – Они рано или поздно начнут оживать. Информация, закодированная в янтаре, ясно показывает, что...

Что показывает информация в янтаре, Лакс уже не узнает. Они прибыли. Здание с полукруглыми окнами похоже на склеп. Регистрация – и можно гулять по городу.

Лакс блуждает по длинным улицам, размышляя о разнообразии городских ландшафтов. Сворачивает в переулок и у него захватывает дух.

Похоже, он незаметно для себя поднялся на замковую гору. Прямо под ногами – высокий обрыв, а внизу расстилается город, очерченный на горизонте гладью моря, сверкающей, словно фольга. Аккуратные, словно циркулем проведённые улочки тянутся прямо у него под ногами, и при этом так далеко, что кружится голова.

Солнце садится, заслонённое шпилем городской ратуши. Тени удлиняются, сперва лижут ему ноги, а потом проглатывают целиком.

– Волченя, ты?

Змейковская у него за спиной. Она запыхавшаяся, мокрые волосы прилипли к лицу.

– Да, я.

– Отойди, отойди от края! Спиной к стене! Да, теперь хорошо.

– Ты чего? Что случилось?

– Лакс, ты живой? Ты точно живой?

– Живой я, живой. Что надо? Конференция начинается?

(Интересно, а, к примеру, зомби тоже считают себя живыми?)

– Лакс, они убивают!

– Рита, замолчи, выдохни, скажи внятно. Кого убивают? Кто убивает?

– Они всех убивают, – Змейковская его даже не слушает, – всех, кто приехал. Старшую уже убили, Шушуку, всех. Автобус перевернули, горит. Всех убивают!

И действительно, за домами поднимается в небо столб чёрного дыма.

Все уцелевшие участники конференции сбились в кучу и пробираются промозглыми дворами. Уже ночь, на улицах загорелись белые фонари, но во дворах темнота.

За спиной шлёпают шаги неведомых преследователей. Кто-то говорит, что надо идти в порт, потому что убийцы будут ждать возле вокзала. Множатся гипотезы, кто эти убийцы и сколько их. Все стараются говорить шёпотом, но постоянно срываются.

Арка, освещённая одинокой лампочкой. За ней – полумрак парка, сквозь ветви деревьев уже видны огни набережной. Каждый шаг отдаётся глухим перекастистым эхом.

Чёрная верёвка падает из-под потолка, хватает за шею Змейковскую и утаскивает прочь. Короткий выкрик – и тут начинается паника. Делегаты бегут по двору кто куда ломая кусты и налетая на карусели. Лакс сперва оказывается в большом вонючем туннеле, потом находит трамвайные рельсы, долго-долго несётся вдоль них и в конце концов оказывается на набережной, точь-в-точь такой же, как в его родном Оксиринске.

Преследователи уже рядом. Он чувствует, что его вычислили и теперь остаётся бежать.

Причалы совершенно пусты, и только один-единственный неправдоподобно большой корабль стоит на своём месте. Лакс бежит к нему мимо запертых дверей и окон из толстого стекла. За спиной – неведомые преследователи. Обернуться он не решается, а вместо этого впивается взглядом в пароход, словно надеется этим его удержать.

Всех, кого не поймали, уже там. Сейчас они отплывут – и на этом всё и закончится.

Корабль трогается. Медленно, как бы нехотя, и при этом неумолимо. Нет, он ещё не вышел в море и невнимательному наблюдателю может показаться, что он стоит и ждёт гостей – но это не так. Вот отдали швартовые, вот он дёрнулся... Белая громадина подалась в сторону, словно разминаясь перед долгим маршрутом. И в тот же миг замигали огни на чёрных портовых башнях, а потом заревела сирена.

Что это был за вой!словно целый хор ирландских баньши затанул синхронно одну на всех песню. Сирена то растягивалась и набиралась громкости, то затихала, словно в изнеможении, чтобы спустя секунду зареветь снова.

Лакс споткнулся, кубарем полетел на землю, чувствуя, как сирена врывается ему в уши и вибрирует в мозгу, попытался сжаться, отгородиться от неё, но она не отпускала. Полумрак вокруг стал таять, опадать, словно дым от гаснущего костра и, наконец, Волченя очнулся том же самом закутке, где устроился три часа назад. Всё было на месте – постель, одеяло, стол, ключи на столе и полки с книгами.

Сирена, однако, не прекратилась. Напротив, она стала ещё резче и яростней. Корабль ушёл, но продолжал напоминать о себе.

– Да что за чертовщина! – спросил Лакс у комнаты. Ответа не было.

Кое-как одевшись и пригладив волосы, он отправился на поиски сирены. Посмотрел в окно – там была улица и край той площади-кольца, через которую они проехали. Всё спокойно.

Значит, ревет где-то здесь.

К счастью, планировка была не такой головоломной, как ему показалось. Сразу за комнатой с задёрнутыми шторами, где стояли шкафы и кресло, похожее на зубо-врачебное, начался уже знакомый коридор, который и вывел его в приёмную. В комнатах было пусто – Триколич, видимо, ещё не вернулся.

Селектор на пустом столе медсестры мигал красной лампочкой и ревел, словно обезьяна в брачный период. Лакс снял трубку.

– Вы там поумирали все, что ли? – спросил из трубки девичий голос.

– Нет, – ответил Лакс, – Но сегодня выходной. Никого нет.

– Хватит придуриваться! Дверь открывайте! Пациент пришёл!

– Простите, клиника сегодня не работает, и мы ничем не сможем вам помочь. Обратитесь в один из будних дней.

– Дурак, что ли? Я сама знаю, что мне нужно! Открывайте!

Лакс, видимо, был ещё довольно сонным. Он совсем не хотел открывать, но палец как-то сам собой ткнул в большую зелёную кнопку.

Да, впускать каких-то странных пациентов не хотелось. Но ещё больше не хотелось, чтобы такая сирена разбудила тебя ещё раз.

Дверь мягко клацнула и пропустила грозного вида девочку с чёрными глазами и безукоризненно подкрученным каре до плеч. Похоже, она пришла прямо из школы – и эта школа была из тех, где форма является обязательной. Чёрный пиджак, отложной воротник, галстук или что-то наподобие его. Лакированные ботинки без каблуков словно хотели сказать: наша хозяйка, если надо, может догнать, схватить за шиворот – и ты уже не отвертишься. На сумке, висевшей через плечо, поблёскивала серебристая пряжка с числом 24.

Лакс решил, что она его ровестница. Ну, или год-два младше.

А только потом заметил самую главную одну странность – при себе у девушки не было никаких животных. Ни собаки, ни кошки, ни хомячка, ни канарейки. Лакс тщетно пытался понять, о каком пациенте она говорила.

Девочка подошла к столу и посмотрела на него суровым взглядом. Лакс вернул на место трубку селектора. и ещё раз пригладил волосы.

– Ты кто такой? – был вопрос.

– А ты кто такая?

– Я КСпи. А ты кто?

– А здесь новый ассистент.

– Почему без халата?

– Потому что сегодня выходной. Наверное.

Копи окинула его взглядом, полным презрения, после чего двинулась в коридорчик.

– Эй, подожди!

Он попытался загородить ей путь, но опоздал. Пришлось идти следом и обращаться к затылку.

– У меня нет никаких гарантий, что вам можно сюда заходить. Я здесь первый день, понимаешь? Давай вы подождёте в приёмной.

Копи свернула в первую комнату, где Лакс ещё не был. Пришлось последовать за ней. Посередине – привинченный стол, чуть дальше ещё один, с компьютером, папками и небольшим сейфом. Два металлических шкафчика, уставленных разноцветными склянками. На стенах висели анатомические карты различных собак – сразу видно, что животных здесь лечили внимательно.

Копи остановилась посередине комнаты.

– Давай микстуру.

– Какую микстуру?

– Всё ясно. Тебе ещё ничего не объясняли. Не проблема, я сама возьму.

Копи подошла к шкафчику, распахнула его настежь и сняла с верхней полки склянку с чем-то зелёным.

Лакс заметил, что таких склянок там целый ряд. И ещё, что руки у девушки ощутимо дрожат.

Она поставила склянку на стол, вернулась к шкафчику и начала греметь посудой на нижней полке.

Когда она обернулась с пустым стаканом в руке, Лакс уже стоял между ней и столом, перегородив все подступы к склянке.

– Послушай, – начал он, – я здесь первый день. Я не знаю, что это за микстура. Я не знаю, как её надо принимать. Я не могу тебе разрешить её пить, понимаешь? Даже если тебе кажется, что ты знаешь всё, ты можешь ошибиться в дозе и в чём угодно. Я за тебя отвечать не хочу. Давай ты посидишь и подождёшь, пока вернётся человек, который во всём этом разбирается.

Ему показалась, что Копи сейчас на него бросится и загрызёт. Но вместо этого она начала рыться в сумке и протянула ему небольшую карточку.

– Это, конечно, не паспорт. Но фотография есть. Можете подойти к журналу, и удостовериться, что я микстуру получаю регулярно. Можете увидеть дозировку, и объём, и как часто я её принимаю. Проверьте, уважаемый ассистент, проверьте, s'il vous plaHt. Раз уж вы такой бестолковый.

Карточка была из областной библиотеки – Лакс тут же подумал, что для поступления не повредит записаться и ему. Рядом с несомненной фотографией Копи – даже школьная форма и галстук были те же самые – было написано, что зовут её Лариса Апраксина, а родилась она в девяностом году и проживает в Кинополе, по адресу улица Гексли, дом 9. Значит, ей пятнадцать. Насчёт возраста он угадал. Почему её следовало называть «Копи», карточка не сообщала.

– Сейчас проверю, мадмуазель. Где журнал?

– У вас за спиной.

Журнал действительно лежал там – большой, как амбарная книга, и заполненный только наполовину. «Л. Апраксина» здесь тоже есть – в начале месяца ей выдавали по пятьдесят миллилитров раз в неделю, а ближе к двадцатым числам стали выдавать по сто пятьдесят и трижды. Её неизменным соседом был С. Лучевский, проходивший осмотр (в графе «Дозировка» стоял прочерк) с той же периодичностью, а также А. и И. Лучевские, его постоянные спутницы, получавшие, соответственно, сто восемьдесят и сто тридцать. Других фамилий было немного.

– Сто пятьдесят. Не больше, – Лакс отложил журнал, – А то животное умрёт.

– Больше и не надо, – Копи поставила на стол графин с водой, аккуратно, насколько позволяли дрожащие руки, налила из склянки до третьей отметки, а потом разбавила водой. Микстура превратилась в зелёный туман, который медленно таял в воде, окрашивая её в зыбкий малахитовый цвет. Запахло сосновыми иглами.

– Стул мне дашь? Он за шкафом.

– Зачем тебе стул?

– Ладно, сама возьму.

Копи устроилась поудобней, посмотрела воду на свет – и опрокинула стакан одним залпом.

Волченья смотрел на неё почти заворожено.

Сначала не было ничего – видимо, микстура ещё только шла по пищеводу. А потом Копи дёрнулась, словно её ударили, и затрепетала, постукивая подошвами по плиткам. Лицо искривилось в странном подобии улыбки, открывая блестящие зубы, на загривке что-то хрустнуло, – тут он уже был готов броситься ей на помощь, проклиная себя за то, что пускает кого попало без назначения – но девушка дёрнулась ещё раз и обмякла, словно из неё вытащили батарейку. Потом открыла налитые кровью глаза и закашлялась.

– Ещё воды?

– Только в другой стакан! Спа... сибо!

Она стала пить, клацая зубами о края. Но приступ, видимо, проходил. Лакс заметил, что руки у неё дрожат меньше.

– Всё хорошо? Отпускает?

– Да, отпускает. Тяжелые дни... Приступы, голова кружится...

Наблюдать это было очень необычно. За шестнадцать лет жизни Лакс привык к тому, что приступы бывают у него одного.

– У меня тоже такое. Я понимаю.

Копи посмотрела на него почти с ненавистью. Так смотрят на незадачливых профанов.

– Если бы понимал, знал бы про микстуру!

Лакс не знал, что ответить. Поэтому он просто закупорил микстуру и поставил её обратно в шкафчик. Взял ручку, дописал, по образцу, в журнал ещё одну строчку, но расписываться не рискнул. Видимо, перед приёмом Копи чувствовала себя намного хуже, чем он думал – склянка, которую она взяла с полки, была ещё нетронутой, хотя как раз рядом с ней стояла одна початая.

– Всё хорошо? Проходит?

– До ночи дотяну.

Копи попыталась подняться. Удалось ей это только со второй попытки – ноги подкашивались. Лакс попытался взять её под руку. Она молча кивнула и, опираясь на незадачливого ассистента, медленно направилась к выходу. Чувствовалась, что дрожь ещё продолжается, и спазмы блуждают по её телу.

– Может, тебе полежать надо?

– Не надо. На улице легче станет.

Они вышли в приёмный покой. Тут Копи уже смогла идти сама, хотя и немного шаркала ногами.

– Спасибо, – сказала Копи, не оглядываясь, и нажала на кнопку справа от двери.

Дверь распахнулась. Там стояли двое – мужчина из тех, чьи лица сразу забиваешь, и высокая женщина с пепельными волосами.

Лаксу они были не знакомы. Он заглянул в лицо Копи – ей, видимо, тоже.

– Простите, кто вы?

– Мы из ГУВД, – сообщил мужчина, предъявляя удостоверение. Женщина последовала его примеру. Лакс заметил, что на фотографиях и он, и она были одеты по форме, – У нас к вам несколько вопросов.

Волченя почувствовал, как перед глазами поднимается жёлтая муть. Он знал, что это такое – слабая тень от приступов, которая осталась, несмотря на операцию. Она накатывала регулярно, несколько раз в месяц... или если происходило что-то очень страшное и обидное.

Он потряс головой, отгоняя это мерзкое состояние. Муть отступила, затаившись в районе затылка. Волченя хорошенько выдохнул и вытянулся в полный рост, стараясь выглядеть за главного.

– Дело в том, что хозяина сейчас нет. Если хотите, вы можете пройти и подождать в приёмной. Он на конференции, вернётся примерно через час и ответит на все ваши вопросы.

Он отошёл, пропуская незваных гостей. Те, однако, не шелохнулись.

– А вы кто такие?

– Это его пациент, она пришла принять свои лекарства.

– Разве это не ветеринарная клиника?

– Ну... это у неё надо спросить. Я сам удивлён, если честно.

– А кто вы такой?

– Я племянник хозяина, дежурю, пока он на конференцию. Приехал только сегодня утром. Мне кажется, вам лучше подождать хозяина. Вы хотели задать вопросы ему, я правильно понимаю?

– Нет, – мужчина качнул головой, – Я думаю, что придётся задавать их вам.

Копи тем временем отступала в сторону коридорчика.

– Но я ничего не знаю! Я первый день в городе. Мой дядя должно знать...

– Видите ли, – вдруг заговорила женщина с пепельными волосами, – у нас есть серьёзные основания полагать, что Антон Триколич не может отвечать ни на какие вопросы.

– Но почему?

– Вы не знаете? – она удивлённо подняла брови.

– Я же говорю вам, я приехал несколько часов назад и с тех пор, как он меня сюда завёз, я даже не выходил из клиники.

- И новости не смотрели?
- Я всё это время спал!
- Ладно, Марин, не томи его, – попросил мужчина, – он по ходу и вправду ничего не знает.
- Антона Триколича убили, – сообщила женщина, – Час назад. Прямо в центре города.

III. Троллейбус Ненависти

– Как убили? Кто убил?

– Это мы и пытаемся выяснить.

Теперь уже Лакс сидел на кресле для ожидающих, а люди из прокуратуры обступили его с двух сторон. Из коридорчика показалась Копи. Она, как ни в чём не бывало, несла тот самый сейф, который Лакс видел в комнате.

– Не уходите, – приказал ей мужчина, – у нас к вам тоже вопросы.

Копи поставила сейф на пол и уселась прямо на него.

– Я не буду отвечать, – сообщила она. После чего порылась в сумке, достала мобильный и стала набирать какой-то номер.

Мужчина хмыкнул и повернулся к Лаксу. Женщина, ещё раз оглядев его, скрылась в коридорчике.

– Имя, фамилия, год и место рождения.

– Волченя Александр Константинович, – его мутило всё сильнее, – родился в одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году, пятнадцатого февраля, в Оксиринске, Кинопольская область. Российская федерация, разумеется. Фамилию правильно напишите, именно Волченя, через «л». Вовченя – это неправильно.

– Работаете, учитесь?

– Закончил третью школу. Собираюсь поступать в Кинопольский биологический. Прибыл для поступления на подготовительный курс.

– Кем вам приходится убитый?

– Дядя.

– Почему фамилии разные?

– Я племянник по матери.

– Как давно знали убитого?

– Около четырёх лет назад он меня оперировал... но мы почти не общались. По-настоящему познакомились только сегодня с утра.

– Ваше знакомство продлилось недолго. Когда вы последний раз его видели?

– Сколько сейчас времени? Мне надо прикинуть...

– Четыре часа.

– Поезд прибывал в половину девятого, а ехали мы около часа... Значит, сегодня, в половине одиннадцатого. Он сказал, что ему нужно на конференцию. И больше я его не видел.

– Что вы делали всё это время?

– Спал. Потом пришла Ко... в смысле, клиент пришёл. Ей нужно было помочь с процедурами.

– Клиент пришёл в выходной день. Вам не показалось это странным?

– Показалось. Но прогнать я не мог. Вдруг у неё что-то серьёзное.

– Она объяснила, почему пришла?

– Нет. Но вы можете у неё спросить.

Копи что-то шептала в телефон. Когда оперативник попытался на неё посмотреть, она зыркнула недобрый взглядом и повернулась спиной.

– Как вы добирались с вокзала?

– На машине..., – Лакс потряс головой, отгоняя муть, – хозяина клиники. По дороге мы увидели пикет экологов и он завернул туда, поговорить с Курбинчиком. Вы должны знать Курбинчика, он у вас работает. Он может подтвердить...

– Мы прекрасно знаем старшего следователя Курбинчика. Пожалуйста, нам нужны ответы, а не комментарии. Не было ли звонков, угроз, подозрительных звуков?

Лакс вспомнил сирену селектора.

– Нет, ничего.

– Очень странно, вы не находите?

– Да, странно.

– Вы владеете огнестрельным оружием?

– Нет.

– Вы знаете эту девушку?

– Нет. Когда она пришла, я спросил у неё документы. Понимаете, она требовала лекарства, а я опасался, что она не та, за кого себя выдаёт.

– Она вам их показала?

– Да. Библиотечную карточку. Я полагаю, их редко подделывают, а информация на ней почти та же, что в паспорте. Я сверился с журналом и убедился, что человек с такой фамилией получает лекарство. Её зовут Лариса Апраксина, если что.

И тут Лакс понял, что сказал что-то не то. Оперативник отшатнулся от него с таким видом, словно наш юный биолог достал из кармана гадюку.

А вот Копи не отреагировала никак. Положила телефон обратно в сумку и стала смотреть в окно. Дрожи заметно не было. Приступ, похоже, прошёл.

– Мы должны здесь всё осмотреть, – с усилием произнёс мужчина.

Словно отвечая ему, заревела корабельная сирена.

– Что это? Пожар?

– Это селектор.

Лакс доковылял до стола и снял трубку.

– Вы к нам? – он даже не слушал, что говорили с той стороны, – Заходите. Я сейчас открою.

Он ещё не очень хорошо осознал, что здесь происходит. Но решил, что будет лучше, если соберутся все. Следствию проще. Да и он сам, наверное, что-то сможет понять.

– Кто там? – спросил оперативник.

– Не расслышал, – Лакс отвечал честно, – Вы спроси? те, как войдёт.

На пороге стоял человек в форме. Лакс посмотрел на погоны и определил подполковника. Надо же, и от допризывной подготовки бывает польза.

Подполковник вошёл в комнату и усмехнулся. Средний рост, широкоплечий и лицо, которое казалось смутно знакомым.

– Здравствуйте, господа, – сказал он всем сразу, – Я вижу, расследование идёт полным ходом.

Мужчина выступил вперёд. В глубине клиники послышался шорох, и показалась женщина с пепельными волосами.

– Делаем, что можем. Уже есть некоторые зацепки. Вот, допрашиваем родственника убитого.

– Какая оперативность! А почему протокол не пишете?

– Это предварительное объяснение. Он, похоже, ничего не знает.

– А вы, похоже, собираетесь произвести революцию в криминалистике. Только час, как труп доставили, а вы уже на другом конце города, допрашиваете людей, которые, судя по всему, о преступлении ни слухом, ни духом. Копи, ты знала про Триколича?

Копи помотала головой. Она уже повернулась лицом и смотрела хитрой лисой. Между ней и подполковником было какое-то неуловимое видовое сходство.

– Вот видите, не знала. А тем временем у вас в центре, почти под окнами отделения – целая армия участников конгресса. У них даже фамилии не записали. Правда, удивительно?

– Мы решили начать с места работы... – совершенно неуверенно ответил мужчина.

– Разве это ваш район? Центральный – это только до речки, а здесь уже Радиальная. И я не уверен, что дело поручено вам. Что-то очень быстро его вам поручили. Ещё тело не остыло, а вы уже землю роете.

– Это дело уже имеет большой резонанс. И нам, в свою очередь, неясно, какое отношение оно имеет к комиссии Мантейфель.

Ещё одно знакомое слово.

– Самое прямое.

– В нём замешана ваша дочь. Поэтому, да?

Апраксин даже не поморщился. А Лакс торжествовал. Значит, эта девочка его дочь. Ещё одна верная догадка.

– Во-первых, Ташкун, не пытайтесь меня испугать. Я могу вас испугать намного больше. Во-вторых, вам известно, как был убит Триколич?

– Застрелен из машины с тонированными стёклами. Одним выстрелом. Машина сразу уехала, номер никто не записал.

– Он был убит из обреза, – подполковник поднял палец, – Нарезанными серебряными ложками. До сегодняшнего дня я не верил, что в Кинополе вообще осталось столовое серебро. Оказалось, что я ошибался. И такая расправа может указывать в том числе на браконьеров. Не забывайте – покойный ветеринар. Но и это не главное. Самое главное – вы взялись за дело, на которое вас, похоже, ещё даже не утвердили. И я готов спорить на что угодно, что утвердят на него не вас. Если хотите, я сейчас звоню Курбинчику и уточняю.

– Мы хотели помочь...

– Я знаю, что вы хотели помочь. Я даже знаю, кому.

Мужчина замолк. Апраксин оглядел его с головы до ног, словно примериваясь, как получше окатить его помоями, а потом указал им на дверь.

– Вон отсюда!

Те подчинились.

Апраксин проводил их взглядом, а потом обратился к Копи.

– Микстуру взяла?

– Вся здесь, – Копи стукнула по сейфу.

– А аппарат?

– Он не здесь его держал.

– Это плохо. Надо поискать лучше. А это кто? – он указал на Лакса.

– Сказал, что ассистент. Оказалось, племянник. Он говорит, что только утром приехал.

– А зачем приехал?

– Говорит, поступать.

– Паспорт при себе есть?

Лакс кивнул.

– Принеси, пожалуйста.

Сумки нашлись сразу. Он притащил их прямо в комнату ожидания и стал рыться, пока не добрался, наконец, до внутреннего кармана.

Апраксин сравнил фотографию с оригиналом.

– Похож! Знаешь, что? Тут же печатывать всё будут. А потом допрос страниц на двадцать, что ты открывал, что двигал, что не на месте. Давай я запишу твой мобильный, а ты сейчас куда-нибудь пойдёшь и там переночуешь. Тебе ведь есть, куда пойти?

– Нет. Я совсем не знаю город...

– Беда... Ладно, попрошу Курбинчика, чтобы завтра с утра здесь всё осмотрели и освободили. Но раньше не получится. В гостиницу какую-нибудь на одну ночь. Или в клуб сходи. Тебе всё равно на работу не надо. Деньги есть?

– Кажется, есть. Но я не думаю, что хватит на гостиницу.

– На клуб хватит. Скажешь, что тебе восемнадцать. Ещё не было такого, чтобы в чужой город с пустыми карманами приезжали.

Лакс пытался вспомнить, сколько денег ему дали на первое время. Это было непросто и вызвало так много мыслей, что на сопротивления их не осталось. Только вернулся в комнату за курткой (Апраксин тем временем проверял, нет ли в багаже бомб или холодного оружия), а когда вернулся, подполковник без лишних слов сунул ему в руки сумку и вытолкнул в фойе. Дверь захлопнулась. Лакс остался наедине со створками лифта.

Надо было что-то делать. На гостиницу он не рассчитывал, в клубы никогда не ходил. Можно было купить билет и поехать обратно в Оксиринск. Но это было бы глупо – жив Триколич-старший или нет, надо было подавать документы и записываться на экзамен. Конечно, стоило посоветоваться с мамой, но это можно было сделать и по телефону. К тому же, за окном было лето, а Лакс был в большом и незнакомом городе, в котором так мечтал попасть.

Он вызвал лифт и снова принялся перебирать варианты. Все они казались ему одинаково дурацкими. Даже удивительно, какой бестолковой делает жизнь любая трагедия.

Створки лифта раскрылись. Внутри был неизвестный.

Он стоял на четвереньках, задрал голову, которая казалась объятай рыжим пламенем. Приглядевшись, можно было разглядеть, что это волосы, заботливо собранные в пряди и поставленные торчком. Такая причёска называлась, кажется, трэшевой и до этой секунды Лакс был уверен, что их, подобно парикам восемнадцатого века, можно увидеть только на большой сцене.

Помимо причёски обращали на себя внимания искусственно потёртая сумка через плечо, усеянная значками, майка с расцветкой, исполненной психоделики и джинсы, при одном взгляде на которые становилось ясно, что такое неуловимое, на первый взгляд обычное качество не может стоить дешевле восьми сотен долларов.

– Клиника работает? – осведомился неизвестный.

– Уже нет. Там всё опечатали.

– И микстуры нет?

– Микстуру тоже опечатали.

– О господи...

Четвероногий зарылся лицом в руки и застонал. Лифт тренькнул, закрыл створки и поехал вниз.

Лакс остался перед лифтом. Створки раскрылись опять. Четвероногий теперь стоял как обычный человек, вцепившись руками в поручень. Он был не старше Лакса, но выше, с длинными руками и ногами.

– Лучевский – это ты?

– А как ты догадался?

Лифт зазвенел и опять попытался увезти свою жертву. Лакс поставил ногу между створок и не дал.

– Не важно. Выходи.

Приступ почти прошёл и Лакс чувствовал себя почти нормально. Убийство казалось чем-то очень далёким, словно оно произошло на другом конце галактики.

Волчяна снова подошёл к железной двери, нажал кнопку вызова и почти со злорадством услышал возглас сирены.

– Кто там? – спросил голос. Лакс отметил, что отвечает почему-то Копи.

– Это Волчяна. Тут Лучевский пришёл, микстуру просит.

– Сейчас принесу, – и, чуть в отдалении, – Как, *parbleu*, этот громкий вызов выключить? Надоел реветь!

Тишина и какой-то стук. Потом дверь открылась и показалась Копи с непочатой склянкой.

– Держи, – она сунула склянку Лучевскому, – И смотри, чтобы больше не проливали. На ближайший месяц микстура отменяется.

– Как отменяется? – Лучевский вытращил глаза, – Этого же им на две недели, от силы. – У вас рядом лес.

И захлопнула дверь.

Лучевский посмотрел на склянку, а потом осторожно переложил её в сумку.

– Что случилось? – спросил он у Лакса, – Ты что-нибудь знаешь?

– Хозяина клиники убили, – ответил наш герой, – кажется. И никого не пускают.

– Прямо в клинике убили?

– Нет. В городе где-то.

Лучевский присвистнул. Свист, надо сказать, был весьма мелодичным.

– Значит, будем без неё... А ты тоже тут лечишься?

– Я его племянник. Приехал поступать. А тут такое, – и Лакс кивнул на дверь.

– Да, вляпался ты порядочно. Уже нашли, кто убил?

– Нет, не нашли. Никто пока не знает. Но там уже человек из Мантейфеля. А меня на улицу выгнали.

– Это не проблема! – сообщил Лучевский, вызывая лифт, – Меня почти каждый месяц выгоняют. А я до сих пор там, где был.

– Ты не знаешь, где можно заночевать? Не в гостинице, а просто переждать ночь, пока они закончат обыск в клинике? Я же не разбираюсь в этом.

– Ну... можно, например, у меня.

На солнце наряд Лучевского засиял всеми возможными красками. Лакс даже попытался определить, что же написано на майке, но буквы были слишком витиеваты, и так и норовили превратиться в деревья, лианы и весёлых зверушек.

– У нас скоро концерт будет, – сообщил Лучевский, глядя куда-то в пространство. Свежий воздух помогал ему лучше любой микстуры, – Пойдёшь?

– Пойду, – Лакс решил на всякий случай соглашаться, – Обязательно пойду. У вас, наверное, интересная музыка.

Лучевский свернул и зашагал в сторону леса. Наш герой последовал за ним. Это выглядело странно, но Лакс успокаивал себя тем, что Лучевский, как местный, должен знать город лучше.

– Я играю в пяти группах, – сообщил Лучевский, не сбавляя темпа, – чтобы стили не смешивать. Но в четырёх проблемы с составом – я там один. Ты на чём-нибудь играешь? Для «Мутантов Царя Хаммурапи» не хватает клавишника, например.

– Нет, ни на чём.

– Придётся учить. Я пока только одну укомплектовал. Называется «Троллейбус Ненависти». Послезавтра концерт, поэтому работы много. С утра сочинил одну песню. А на конце надо не меньше четырёх.

– А сколько у вас уже готово?

– Одна и готова. Будем сегодня разучивать. Вот, посмотри.

Из сумки появилась тетрадь на металлической спирали. Лакс подумал, что такие тетради очень удобные. Надо купить несколько, чтобы конспекты вести.

Большую часть страницы занимали каракули и рисунки. Сверху было написано и подчеркнута – «Автовокзал» – а внизу, возле большой улыбчивой лошади, собранной из треугольников, громоздились каракули:

Армия зла —

Автовокзал!
Армия зла —
Автовокзал!

Гнал-давил,
Гнал-давил,
Гнал-давил,
Не тормозил!
Гнал-давил,
Гнал-давил,
Гнал-давил,
Не тормозил!

Выше были ещё строчки, но они оказались густо замазаны. Лакс смог разобрать только последние две:

Визг тормозов и клёкот резин!
Они превратят твоё тело в бензин!

– Ты зачёркнутое не читай, это бракованные. Тут вся идея песни вот в чём. Играется один рифф – «армия зла – автовокзал», примерно четырнадцать раз. Потом играется второй рифф – «гнал-давил, гнал-давил, гнал-давил – не тормозил», тоже примерно четырнадцать раз. Или перемешать их можно. И вот так оно играется, а потом, не сбавляя интенсивности, играется всё тише и тише, звук затихает. И читается стих. А потом снова из тишины нарастает интенсивность и оно продолжает играть и ораться, как ни в чём не бывало. Такая идея.

– А где этот стих?

– На другой стороне.

Лакс перевернул сложенную вдвое тетрадку.

Рукопашный автобус по городу едет,
Он перевозит мнимых медведей.
На Заводской, у ворот горбольницы
Он остановится крови напиться.

Заправка закончена, фары мигнут:
Автобус выходит на новый маршрут!

– Как вы будете сбавлять звук на сцене? Там есть что-то специальное?

– Я ещё думаю над этим. Надо пока адаптировать.

Вокруг них уже был лес. Лакс обернулся и увидел стеклянный край здания клиники.

Из главного входа показалась Копи с сейфом в руке. Она тащила его почти без усилий. Прямо над её головой подался внутрь один из квадратов стеклянной стены, и оттуда показалась голова Апраксина. Тот что-то ей сказал, но девушка лишь отмахнулась и, ухватив сейф поудобней, направилась к автобусной остановке. Апраксин исчез, стекло вернулось на место.

– Там дальше мой рассказ, ничего интересного. – продолжал объяснять Лучевский, – я его на отдыхе писал, в Германии. Нижняя Германия вообще творчеству способствует, там каждое слово – песня с припевом и сложным соло посередине. И вот у меня возникла идея про рассказ о том, как я жил под мостом, и у меня был пингвин, которого звали Зигмунд Фрейд. Потом придумал, что под мост пришли фашисты, хотели меня бить, а я от них спрятался.

А вот что было дальше – я так и не сочинил. Закончилось вдохновение. Но рассказ лежит, ждёт своего часа. Если его дописать, можно будет в журнале каком-нибудь напечатать. Это же постмодернизм получается, вещь сейчас актуальная. Вообще, у меня много всяких планов сейчас, особенно в июле, перед экзаменом. На каникулах вот планов никогда не бывает, целый день не пойми чем занимаешься. А когда контрольные, или например годовой экзамен – это да, сразу мыслей полная голова. Сейчас вот у меня пока упадок, но это не проблема. Скоро выпускные экзамены. Значит – будет новый творческий подъём, такой, что и готовиться к ним не смогу!

Они уже углубились в лес настолько, что города не было видно. Только широкое шоссе и машины, изредка проезжавшие мимо, напоминали им о близости цивилизации с её многоэтажными домами и искусством постмодернизма.

– Ты слышал Нейтральномолочный отель?

– Нет, – Лакс и вправду её не слышал.

– Это моя любимая. Чтобы играть у нас, ты должен её услышать. И хорошо услышать. Все звуки, до единого. Ничего не пропустить. Хотя нет, подожди, я, наверное, смогу её прямо сейчас поставить. Плеера уже нет, но мобильный должен быть, наверное... Я его, кажется, выкладывал.

Лучевский принялся рыться в сумке. Нашёл ручку, тетрадку, какую-то пёструю повязку, порванные бусы, ещё что-то...

– Нет, мобильного нету. Значит, я и его потерял. Представляешь, как обидно! Позавчера ночью, в Челюстях, потерял рюкзак, а в нём самое ценное – плеер, мобильный и «Кратчайшая история времени» Стивена Хокинга! Можешь себе такое представить, а?

– Челюсти – это клуб?

– Ну ты даёшь! Челюсти – это парк! Вон там, рядом, где железная дорога.

И он махнул левой рукой в сторону тёмных зарослей.

– Послушай, а мы правильно идём? Ты в лесу живёшь?

– Какой тебе лес? Ты что, и Глухарёвку не знаешь?

– Я только сегодня утром приехал из Оксиринска. Извини, совсем не ориентируюсь.

– Оксиринск... – Лучевский задумался, – Кажется, Жан оттуда. А может, и не оттуда...

Среди деревьев проступил большой сумрачный силуэт, окружённый забором. Приземистый и полукруглый, он неуловимо напоминал башни молчания, в которых зороастрийцы оставляли своих мертвецов.

– Что это?

– Это церковь будет. Слышал о Церкви Воссоединения?

– Да, слышал.

– Значит, они и в Оксиринск уже пробираются. Интересные люди, с размахом работают.

– А ты сам был на их службах?

– Нет, и не пойду. Толку не будет. Они все там западные с головы до хвоста, даром, что корейцы. Я у одного спросил про чистое сознание Будды – а он мне про Библию начинает. А сейчас уже всем ясно, что всё духовное должно идти с Востока, но по-настоящему, а не подделкой. Лучше к кришнаитам сходить. Там рис дают, очень вкусный, и музыка всегда приятная играет.

– Мне к кришнаитам, наверное, нельзя, – осторожно заметил Лакс, – Я ведь ни во что не верю и иногда матом ругаюсь.

– А там почти все такие, – махнул рукой Лучевский, – Бывает, зайдёшь в ашрам – а там за столом в ряд люди патлатые в косухах и с черепами. Едят рис, причмокивают и кажется, что сейчас начнут вспоминать, сколько церквей сожгли сегодня ночью. Но и им там хорошо и даже на них исходит благодать Кришны. А всё почему? Потому что мышление на Востоке не линия, а спираль или даже воронка. На Западе всё обусловлено – раз родился, должен ходить в школу,

учиться, поступать, состоять в правильной церкви и ничего не упустить. А восточная мысль – она как Кришна, танцует сразу со всеми пастушками. Пришёл сатанист в ашрам подкрепиться рисом после очередной кровавой оргии – и сам того не замечая, преисполнился позитива. Сидит, улыбается во все стороны, любит, как всё оформлено и уже даже таракана ударить не может.

Между тем лес закончился и Лакс наконец-то увидел Глухарёвку. Она тянулась вдоль лесополосы, а перед ней бежал ещё один ручей, выложенный камнями и с декоративным водопадиком. Стиль курортных пансионатов был выдержан идеально: новенькие, как на подбор, дома в один или два этажа, с высокими сверкающими окнами, пологими крышами и частокотлами вокруг детских площадок. Казалось, что застройка перенесена сюда прямо из Сочи и этим фактом делает нам намёк: здесь живут те, кто считает себя достойным бесконечных каникул.

Дальше, за большим пустырём, вытянулась вдоль горизонта полоса заурядных многоэтажек. Мимо ехал красный трамвай.

– Идём.

Тропинка была еле заметной. Видимо, местные жители редко ходили пешком. Теперь можно было увидеть и будущий храм. Недостроенная церковь приподнималась над забором, похожая на гранитный утёс.

– А строители не строят... Странно, очень странно.

– Сегодня выходной. Может, поэтому?

– Здесь у нас особые строители. Им за каждый кирпич отпускается два греха. А если кладут с опережением, то дополнительные десять. В качестве премии, – Лучевский прищурился. – Даже сторожа нет, удивительно... А, всё ясно. У них же моление сегодня будет. Тоже на стадион пошли, попробовать благодати.

Лучевский жил в коттедже 29, с высоким, на два этажа, полукруглым окном. Лакс был раньше уверен, что такие дома встречаются только в голливудских фильмах.

Они сбросили ботинки в сверкающей прихожей и поднялись по винтовой лестнице на второй этаж. Коридор, видимо, был общим, а вот комната уже ощутимо принадлежала Лучевскому. Книжная полка, покрашенная, должно быть, из уважения к жирафам, в жёлтый с бурыми пятнами цвет, вереница вырезанных из бумаги слоников, спускавшихся от потолка к кровати, две электрогитары, из которых одна висела вверх ногами и барабаны, подозрительно оранжевого цвета. Кровать, на японский манер, представляла из себя брошенный на пол матрац, а вместо стульев были мягкие мешочки, какие иногда ставят в кинотеатрах, чтобы продать подороже билет. Стол с компьютером возле громадных, заставленных дискам стеллажей тоже был довольно низким, а вот того, что на нём стояло, даже у Лакса захватило дух.

– Всё, устраивайся, – Лучевский выставил склянку на подоконник и начал рылся в книжном шкафу.

Лакс размышлял, куда поставить сумку.

– Слушай, а твои домашние не будут возражать?

– Не будут... наверное...

– Это кого ты привёл?

В дверном проёме – две девичьи головы. Обе узкие, востроносые, глазами, с полными злобы и коротко, под мальчика, остриженными головами. Лаксу начало казаться, что плохо причёсан в этом городе он один

– Это мой хороший друг, – Лучевский отступил и поднял руки, – Из Оксиринска, поступать приехал.

– Мы сколько раз тебе говорили никого не приводить и не вписывать!

– У нас одни вешалки в прихожей на двести долларов, а ты кого-то с улицы приводишь!

– Стас, когда ты повзрослеешь? Не можешь сам повзрослеть – так хоть другим не мешай!

Лучевский закрылся руками.

– Да прекратите вы! Он только на одну ночь! Это племянник Триколича. Его убили сегодня, вы слышали

– Ещё лучше!

– Чтобы милиция пришла!

– Допрашивала в нашем доме!

– Арестовывала!

– Головой ты хоть думал?

– Пробовал хоть раз думать? Говорят, полезно?

– Сейчас отцу позвоним!

– Водит кого попало...

– Это ничего, – объяснял Лучевский уже снаружи, – мои сестрёнки – они всегда так бушуют. Они хотят спокойной жизни, – вот поэтому жить с ними и невозможно. Ты не обижайся, они покипят и успокоятся. Ты сумку оставил? Правильно сделал, теперь им будет сложнее тебя выкинуть. Как темнеть начнёт и родители за телевизор сядут, мы обратно вернёмся, только тихо.

– А почему тихо?

– Чтобы сестрёнки тебя снова не услышали.

IV. W

– Куда теперь пойдём? – спросил Лакс.

– Ну... не знаю.

Сейчас они шли вдоль Глухарёвки. Высокие окна смотрели на них почти насмешливо.

– Я есть хочу. Совсем не обедал. Как думаешь, получится незаметно пробраться на кухню?

Лучевский задумался.

– Пробраться можно, но там сейчас ничего нет.

– Что же делать?

– Можно в Вэ пойти. Дома сейчас всё равно не наешься.

– Почему?

– Период такой. Затратный.

Живот ощутимо прихватывало. В этом была неприятная особенность приступов – они, похоже, всерьёз затрагивали что-то, связанное с чувством голода. В особенно неудачные дни, когда мир почти полностью выцветал, холодильник на биостанции очень часто оказывался пустым уже наутро.

– А где это, Вэ?

– Вон там.

Небольшой куб из стекла и бетона стоял возле дороги, как раз посередине между Глухарёвкой и линией обычных домов. Он словно не определился, с кем быть и казался упрощённой и уменьшенной копией здания, в котором располагалась клиника. На стёклах над входом поблёскивала загадочная готическая буква, похожая на две склеенных греческих «беты». На V было не похоже. Может, W? Но ведь это дубль-вэ...

Внутри были мягкие бежевые креслица, сверкающие чёрные столы и стены,

А людей немного.

– У нас денег хватит?

– У меня – хватит, – ответил Лучевский. Потом спохватился и добавил, – На нас двоих.

Лучевский сразу направился к стойке и потребовал «стандартный второй, как обычно». Лакс изучил меню, полное непонятных названий и потребовал четыре сэндвича с ветчиной, огурцами, соусом и сыром. Он был так голоден, что даже от названий блюд у него начинала выделяться слюна, словно желудочный сок у собаки Павлова.

Лакс ещё раз оглянулся, подыскивая свободное место. Зал был полутёмным, на шесть столиков, причём один из них был задвинут в угол и разглядеть, кто там сидит, не представлялось возможным. А вот крупный стол, на шесть мест, оккупировали три девушки в уже знакомой ему школьной форме. Слева сидела смуглая и кучерявая, с глазами, похожими на ягоды чёрной смородины, справа – высокая и круглолицая, с такими длинными волосами, что они змеились прямо по столу. А посередине восседала Копи, вцепившаяся в стакан с соком. Сейфа нигде видно не было.

– Это Апраксина? – вполголоса осведомился Волченя.

– Да, Копи. А с ней Опасный Соболь и Белянкина.

– Если не секрет, почему все называют её «Копи»? Они же Лариса.

– Потому что уже есть одна Лариса – Белянкина.

– А почему именно «Копи»?

– Потому что «Ликополо»!

Спрашивать дальше Лакс не рискнул.

– Я вижу знакомые лица, – Лучевский уже был возле подруг, – Можно у вас устроиться?

– Можно-можно, – кивнула Белянкина, – Мы как раз одну вещь обсуждали. О любви и прочих отношениях. Вот ты читал Протопопова?

– Собираюсь, – Лучевский спрятал глаза, – но сначала надо «Секретная заря Аннанербе» дочитать. Кто-нибудь читал «Секретную зарю Аннанербе»? Там очень интересно, про магию огня в Третьем Рейхе...

– Протопопов – этолог, – Белянкина подняла палец, – И после этой книги очень много начинаешь понимать. Почему женщины так любят хулиганов, откуда взялся идеальный мужчина в женских романах и вообще, почему любовь всегда выглядит так по-дурацки.

Лучевский задумался.

– Ну, Аннанербе тоже это исследовали. Например, Гёринг был уверен, что древние германцы зачинали детей с тем расчетом, чтобы они родились в день летнего солнцестояния... или зимнего... Нет, я так не вспомню. Ну в общем они зачинали детей...

– Самое главное в отношениях – ранговый потенциал, – продолжала Белянкина, – То есть какое место человек может потенциально занять в социальной иерархии. Поэтому у дебоширов больше шансов, чем у тихих, а у плохо выбритых – чем у гладко выбритых и бородатых. И именно они нравятся женщинам, причём интеллект значения не имеет – любовные отношения работают на том, что возникло задолго до интеллекта. Люди смелые, и наглые – это альфа-самцы человеческой стаи.

– А Протопопов – это позор и профанация этологии как науки, – сообщил Лакс.

Принесли заказ. Никто, впрочем, не обратил на это внимания. Все молчали, несколько удивлённые.

– Протопопов – учёный, – повторила с нажимом Белянкина, – Всё это – научно доказанные факты. Хотя омегам они и не нравятся.

– Протопопов – переводчик по преимуществу. А книгу Дольника, на которую он ссылается, он читал по диагонали и не до конца. Иначе бы не порол такой чуши про альфа-самцов и сексуальную иерархию.

– Ты просто ничего не понимаешь!

– Не-е-е-ет, подожди, – Копи, похоже, стало чуть лучше, – Пусть он нам всё расскажет, раз такой специалист. И что же по-твоему там чушь?

– Да всё там чушь. Только в одних местах – полная, а в других – феноменальная. Начиная от этой дурацкой идеи про ранговый потенциал, который непонятно как считается.

– А Протопопов пишет, что он определяется по месту в иерархии.

– У сильных и безмозглых хулиганов высокого места в иерархии не бывает. Просто потому, что от них в шоке и верхние, и нижние. И тем не менее они тоже, если верить Протопопову, альфа-самцы. И безумно популярны.

– А ты не думал, что у них есть скрытый ранговый потенциал? Да, пусть они пока не занимают, но могут со временем занять.

– Прямо теория скрытых параметров! Интересно, если вспомнить классику, за что Софья любила Молчалина? Ни мускулов, ни нахрапистости нет, зато есть ум – первейший признак горя.

– Возможно, у него тоже были скрытые ранговые потенциалы.

– Угу, универсальный ответ шарлатана. Причина есть, но она где-то спряталась. Если так, то я – скрытый миллионер. Только все мои миллионы – в скрытых параметрах. В настолько скрытых, что я их сам пока никак не найду!

– Не говори так, – пробурчал, не переставая жевать, Лучевский, – Со скрытыми параметрами в Рейхе работали. Когда союзники уже высадились, Хайзенберг – у нас его Гейзенбергом почему-то называют – пытался построить такую специальную железную башню, в которой за счёт энергии скрытых параметров и магии рун...

– Ты просто завидуешь успешным людям! – Копи не слушала.

– Было бы чему завидовать! Кто там по Протопопову успешный самец? Хвастливый, атлетически сложенный, никого не слушает, вины не признаёт, живёт одним днём, сам открыт, но внутри пусто. Так ведь это не женский идеал, а клиническое описание психопата.

– Но женщины их любят!

– Женщины определённого типа. С которыми лучше не связываться. Вообще, считать себя самым умным – одна из самых глупых стратегий.

– Которой ты почему-то следуешь, – заметила Копи, почти улыбувшись.

– Да где ж я самый умный, – Лакс почесал затылок, – мне даже до Дольника ещё далеко. И Протопопов умнее меня, конечно. Он врёт связно. Я так не умею.

– А ты не думал, что он может быть в чём-то прав? Многие люди говорят, что стали по-настоящему понимать, как устроена любовь, только прочитав Протопопова.

– Ничего они не поняли. Они поверили. Люди поверят во что угодно, лишь бы это звучало достаточно для них оскорбительно. Кто поверит, что после смерти обязательно рай? Только камикадзе. А рай, в который попадут только праведные? Миллионы верят до сих пор! Человечек – он умный, он знает, что в рай бесплатно не берут.

– Но разве не стоит вера человека на том, что он видел? На его опыте, чувствах, сомнениях...

– Вера стоит не на том, что ты видел. Вера стоит на том, чего ты хочешь. К примеру, этот ваш Протопопов если и учился биологии, то даже не у Дольника, а у Лысенко. И ученик он прекрасный. Усвоил хорошо самый главный урок: чтобы тебе поверили, не надо ничего доказывать, не надо ничего подтверждать, не надо даже, чтобы кто-то мог понять, что ты пишешь. Главное – обещать большие урожаи. И все тебе поверят. Ничто не хочет проверять доказательства, уточнять подтверждения, вникать в страницы и страницы умного текста. Все хотят урожай. И если пообещаешь – потом хоть трава не расти!

– По-твоему, люди тощие и неуверенные имеют больший успех у девушек?

– По-моему, всякая чушь имеет незаслуженный успех у обоих полов. Вот мы и читаем про скрытых успешных людей, у которых на опохмел не хватает.

– Ты очень смешной. Ты рассказываешь девушке, что у любви причин не бывает. Что она может полюбить кого угодно.

– Причины бывают. Другое дело, что они бывают самые разные. Даже ранги бывают самые разные. Протопопов, например, не в курсе у человека не одна иерархия, а много. В школе, дома, во дворе, в секциях разных, на уроках, на переменах, на работе, в политике, где угодно ещё. И везде разные лидеры.

– Мы говорим о простых людях, не политиках. По-твоему, у хулигана – грозы района меньше шансов найти себе подружку.

– У хулигана – грозы района, есть шанс получить судимость. И ты наверняка замечала, что за девочки вокруг таких крутятся.

– Ну, некоторые хорошие девочки тоже.

– Причём все эти хорошие девочки – из неполных семей. Где мать была замужем за вот таким ровно до тех пор, пока они не перестали терпеть друг друга.

– То есть всё решает воспитание, а инстинкты не значат ничего?

– Ещё перед инстинктами работают рефлексы. И такая штука, как пресыщение. Когда человек не женат, он готов с любой. А когда женат, уже и не интересно.

– Вот так! – усмехнулась Белянкина, – Девочки, кто-нибудь согласится на такое замужество?

– Разумеется, никто, – Лакс уже не мог остановиться, – надо, чтобы он гулял, дебоширил и тебя совсем не слушал. Будет счастливое семейство. Интересно, есть ли семья у самого Протопопова.

Копи, однако, не смеялась. Наоборот, её дыхание всё больше учащалось, а ладони елозили по столу, словно не могли найти себе надёжной опоры.

– У тебя девушка есть? – вдруг спросила она.

– Я только несколько часов, как в городе.

– А там, где раньше жил – была?

– В Оксиринске я жил в основном на биостанции. И на компании у меня времени не было. Зрачки Копи сузились, а губы начинали дрожать. Волчене стало её жалко. Она так тяжело болеет, а он втянул её в этот спор... может, хватит и пора перестать?

Была, однако, одна проблема. Перестать он уже не мог. Как камень, сорвавшийся с горы, он мог продолжать, но не мог остановиться.

– По-твоему, – заговорила Копи срывающимся голосом, – мы уже настолько люди, что в нас от зверей ничего не осталось? Мы уже не звери? Совсем не звери?

Лакс замотал головой.

– Ты неправильно сравниваешь. Надо долго наблюдать за животными, пока поймёшь, насколько они человечны. Агрессия тоже важна – как показал Лоренц, без неё невозможна семейная жизнь. Знаете, например, какие семьи бывают у серых гусей?

Ответом ему был крик. Тонкий и горестный крик, какие бывают от боли и отчаяния.

Копи согнулась и задрожала, сжимая руками голову. Подруги подхватили её под локти и приподняли над столом. Хранившая молчание Опасный Соболь обернулась к Лаксу и процедила:

– Довёл девушку! Видишь, что теперь с ней?

Она полуобняла Копи и медленно повела к выходу. Белянкина вытащила из-под стола сейф и последовала за ними.

Парни остались одни, напротив трёх пустых стаканов и одной тарелки.

– Так что там с башней было? – нарушил молчание Лакс.

– С какой башней?

– Которую Гейзенберг построил.

– Да взорвалась она к чертям собачьим!

И воцарилось молчание.

Лакс принялся за сэндвичи, чувствуя, однако, что голод почему-то не убывает. А вот заказ Лучевского удивлял – судя по всему, это была большая салатница, наполненная кусками слегка поджаренного мяса, и пиалка с бурым соусом, который Лаксу был неизвестен. Лучевский хватал мясо, макал его в соус и за два укуса отправлял в живот, почти не разжёвывая. Лакс попытался предположить, какой народ мог придумать такое блюдо, но на ум ничего не пришло. Очень похоже выглядит строганина, но это мясо было подогретым.

Он перевёл взгляд в тот угол, который не смог разглядеть, когда стоял возле стойки. Там допивала кофе та самая женщина с пепельными волосами, что приходила его допрашивать. Прямо перед ней лежал мобильный, и она смотрела на него, не отрываясь, словно опасаясь, что телефон от неё убежит.

Сэндвичи закончились, но голод был на месте. Он уменьшился в размерах, сжался, но не исчез и по-прежнему требовал подношений.

Лучевский опрокинул в рот красную лужицу на дне салатницы, после чего посмотрел на него понимающе.

– Всё равно не хватает? Это сезон такой, всё нормально. Давай ещё по одной. Только теперь проси с копчёностями. Чтобы не приелось.

Допил соус и облизнулся.

Лакс приканчивал шестой сэндвич, когда над головой зазвучала протяжная, торжественная нота церковного органа. Он поискал глазами телевизор и нашёл его над барной стойкой.

– Церковь Воссоединения, – сообщил гладко выбритый человек в чёрном пиджаке, за спиной которого падала с небес радуга и толпились золотые купола, – рада видеть у себя новых прихожан. Прямо сейчас тысячи уверовавших возвращаются домой с нашего богослужения. Вы можете узнать у них больше о Церкви Воссоединения и, возможно, присоединитесь после этого к нам. Духовное саморазвитие...

– И крутят, и крутят, и крутят, – пробурчал Лучевский, расправляясь с мясом, – По всем каналам, кроме федеральных. Скоро весь город себе заберут. Построят вокруг стены, а сверху купол. Чтобы никто не избежал благодати.

– Люди скушают по вере, – заметил Лакс, – что тут поделаешь. Иногда это идёт на пользу. Фиксируются моральные нормы, люди чувствуют, что они теперь не одни. Кстати, можно в твой соус макнуть?

– Конечно.

Соус был пряный, солёный и тягучий. Совершенно незнакомый вкус, почти полностью забитый солью.

– У этой церкви в заглавнике не только вера, – продолжил Лучевский, не переставая жевать, – У них для каждого свой крест и свои куличики.

Лаксу казалось, что его сосед сейчас наедается на целую неделю. При таком телосложении, как у Лучевского, мясо бы просто не поместилось в его желудке, устраивай он такую трапезу каждый день.

– Не понимаю.

– А чего тут понимать? Сначала они приехали, стали чайники и чашки раздавать. Первое время просто в поле, а дальше стали собирать стадионы. Потом уже и в Глухарёвке появляются, встречаются со всеми, обсуждают, ласковые такие, милые. Серьёзным господам не с руки на стадионе толкаться – и вот уже церковь заложили, причём от нас просили только землю – а кирпичи и рабочих они сами оплачивают. Неделя, другая – уже стройка идёт полным ходом. Хотя на самом деле они платят только за кирпичи. Рабочие у них такие, что даже платить не надо. Со всего СНГ съезжаются и у нас здесь в палатках живут.

– Интересно... А почему им так у вас нравится?

– Строят царство божие на земле. И полтора этажа уже готово. А ещё они теперь всю работу в посёлке делают. Причём платить надо не им, а прямо в церковную кассу. Работают хорошо, тут не поспоришь. Достаточно хорошо, чтобы мы, как и подобает людям цивилизованным, могли из них все соки жать. Не пьют, не курят, а в плане разврата такие, что девочка может при них хоть голышом бегать. Только ходят и молятся с понурыми головами. А глаза пустые-пустые. Только вечером, когда этот пастор приходит, становятся в шеренгу и молятся вслух. А потом он им еду раздаёт. И, что интересно, все эти рабочие такие счастливые. Один, что у нас в доме убирает, так мне и сказал – раньше он был с грехами, как улитка с домиком, а теперь всё сбросил и разогнулся. Ходит теперь счастливый, присутствие Бога чувствует. И очень это всё похоже, – Лучевский икнул и допил последние капли мясного сока из салатницы, – что у этих корейцев есть какие-то удивительные вещества. Потому что они все как обдолбанные.

– А может, это просто вера?

– Обдолбанный – это обдолбанный. Не важно, чем он обдолбался, – серьёзно сообщил Лучевский, – Это как хич-хайкер. Не важно, едет он из принципов или потому, что машина сломалась.

И он допил вторую пиалу соуса.

– Это у нас всегда такое, – продолжил Лучевский. – Город сложный, почти как Омск. Включаешь телевизор, а там шиза полная. Ещё раньше, пока церкви этой ещё не было, колдун местный выступал, Урожаев. Бородатый такой и значительный. Рассказывал, как свёклой геморрой лечат, как заговорами тараканов из дому выгонять, и как много тайн скрывают от нас

историки. Что Стоунхедж – это космодром древних славян, санскрит произошёл от тюркских рун, а под офисом Лукойла в Москве есть подземное озеро с динозаврами. Ещё один раз по секрету поведал, кто построил египетские пирамиды.

- И кто же их, по Урожаеву, построил?
- Если мне не изменяет память, он сам.
- Да уж, великий человек. А чем он сейчас занимается?
- Никто не знает. В лес ушёл и пропал. Зайцы, наверное, съели.

У. Гражданские сумерки

Без девушек почему-то сразу стало очень скучно. Лакс прислушивался к своему желудку, которой наконец-то насытился и больше не бунтовал.

За тонированными окнами показалась красная полоска заката. День заканчивался удивительно быстро. Голова опять тяжелела.

– Они не похожи на корейцев, – продолжал рассказывать Лучевский, – Я видел корейских музыкантов, это совсем другое. И Виктор Цой не такой был. Какие-то бракованные корейцы, я считаю.

– Может, у них только высшие иерархи корейцы? Например, отец Валтаким.

– Не Валтаким, а Вальтер Ким. Тоже говорят, что кореец. Из Химок. Я его видел один раз. Совсем не похож. Ни на грамм.

На Лакса тем временем накатила вторая волна. За ушами заныло, в рот потекла слюна, звуки стали громкими и отчётливыми, а мир вдруг начал терять краски. Это было самое страшное: каждый казалось, что этот дальтонизм так и останется с ним на всю жизнь. Зелёные лампочки над стойкой стали жёлтыми, голубой фон в телевизоре – тускло-золотистым, а ярко-красные банки кока-колы в холодильнике – золотистыми. И свет стал другим, куда более рассеянным, он словно прятался от пристального взгляда.

Зато слух стал невероятно острым. Он услышал, как переставила ногу пепельная женщина, и как зазвенел у неё телефон. Звук был отключён, но он коротко пикнул и завибрировал – этого было достаточно, чтобы расслышать.

– Я с сёстрами ничего не могу сделать, сам понимаешь, – вещал Лучевский, – Одна старше меня, вторая младше – они меня как в тиски берут, ни спрячешься, не оправдаешься. Настоящие сёстры-волчицы! Вот и приходится прятаться.

Оперативница заговорила вполголоса, прикрываясь ладонью. Лакс напрягся до предела, стараясь ничего не упустить. Он не знал, зачем это, но ему было безумно любопытно.

– Гексли, шесть. Нет, это полный адрес. После навигационных сумерек. Это ещё час. Нет, не раньше. Всё.

Гексли, 6. Адрес казался знакомым. Лакс попытался вспомнить, что там располагалось. Быть может, то здание, которое пикетировали незадачливые экологи? Но разве так сложно его найти? И что там настолько секретного, что адрес нужно говорить вполголоса?

Тем временем пепельноволосая уже рассортировала по карманам блокнот и мобильный и направилась к выходу. Похоже, она узнала Лакса, но вида не подала.

Конечно, это было не его дело. И всё-таки такое положение ему не нравилось. Сидеть в кафе рядом с осоловевшим от сытости Лучевским, в то время, когда тебе негде ночевать, а одного из ближайших родственников убили, казалось не то, чтобы неправильным, но на удивление глупым решением.

– Эй, – он толкнул Лучевского, – Когда к тебе домой пойдём?

Тот открыл глаза. Даже его трэшевая причёска уже поникла и словно приготовилась ко сну.

– Давай сначала я зайду, – предложил он, – а потом тебя пущу... где-то через пару часов.

– А мне что эти два часа делать.

– Погуляй где-нибудь... Город большой, посмотришь кусочек.

Они покинули «W». Снаружи горел неопишувемый закат, и пахло тёплой травой. В Глухарёвке уже загорелись огни, а стена домов городской застройки побагровела. С той стороны приближались трое в чёрных куртках. Два парня шли позади девушки и, похоже, были готовы подхватить её в любой момент. Увидев их, Лучевский сразу обрадовался.

– Войшкунес идёт. Здорово!

Войшкунес посмотрел на него и почти зарычал.

Интересная фамилия, редкая, литовское что-то. Кажется, он сегодня её уже где-то слышал. Вроде бы, Курбинчик произносил. А шли эти трое со стороны Глухарёвки. Ну да, всё сходится. Важные люди живут в элитном посёлке.

Девушка закашлялась и подняла глаза. Зрачки были расширенные, как после атропина.

– Идти можешь? – обернулся к ней Войшкунес.

– Да, – она сделала ещё шаг, споткнулась и повалилась на землю. По телу бежали судороги – точь-в-точь такие же, какие он видел у Копи.

Дальнейшее заняло не больше нескольких секунд. Войшкунес быстро подхватил её, осмотрелся по сторонам и потащил девушку в «W». Его товарищ подскочил к дверям, распахнул их и стал держать, словно предупредительный швейцар.

– А микстуры им сегодня уже не будет, – заметил Лучевский.

Девушку трясло, она перевернулась на спину и отчаянно кашляла, хватаясь за живот и за горло. Войшкунес развернулся к посетителям и поднял руки.

– Кафе закрывается по техническим причинам. Все уходите!

В кафе было от силы человека четыре. Кто-то спросил про скорую помощь.

– Вызовем! Уходите, быстро! Человеку плохо, не видите! Ей нельзя яркий свет!

С лязгом рухнули железные жалюзи. Волченя успел разглядеть, как разом погасли внутри все лампочки.

Люди расходились, даже не переговариваясь. Лучевский тёр глаза, а потом зевнул так, словно не спал уже второй месяц.

– Слушай, – произнёс Лакс, глядя на запертые двери, – как думаешь, кто убил моего дядю? Ты здесь всех знаешь. Может, есть какие-то предположения.

Покинув W, он словно опять очутился наедине с проблемами обычного мира.

Лучевский задумался.

– Знаешь, я тут не помощник, – сказал он, – У него все наши лечились. И сейчас нам будет только хуже. Потому что микстуру мы нес скоро увидим.

Лаксу ответ не понравился. И дело было не в том, что Лучевский, по своему обыкновению, сказал цветасто и непонятно.

Просто дома у Лучевского не было никаких животных. Не было даже признаков, что оно где-то есть. И даже больше. Ни Лучевский, ни его сёстры не были похожи на людей, которые станут заводить домашних питомцев.

Словно попал в компанию оборотней, – подумал Лакс, – лечатся у ветеринаров, живут возле леса, бросаются на людей. Только норы у этих оборотней уютные, не как в кино.

– Может, были какие-то похожие убийства?

– Нет. У нас тут много чуши происходит, но такого ещё не было. Баба Леонила разве что... но там с рекламой связано. Ты понимаешь, твой дядя, он... – Лучевский словно схватил руками невидимый мяч, – он очень адекватный был. Таких немного в городе осталось... Ладно, не важно. Я домой. А ты гуляй два часа.

И он пошёл к Глухарёвку, а Лакс, немного подумав, в противоположном направлении. Ему хотелось хотя бы в сумерках посмотреть на городскую застройку и немного привести в порядок мысли.

Пересекая трассу, он вспомнил, что так не позвонил матери. Судя по тому, что и она ему не позвонила, Анна Волченя опять по уши ушла в работу и пока не знает о смерти своего брата. Лакс присел на скамейку автобусной остановки и достал мобильный. Закат медленно сжимался, превращаясь в узкую алую ленту.

Трубку сняли после пятого гудка.

– Алло, – голос казался далёким-далёким, – Мне Антон с утра звонил. Сказал, что ты нормально доехал. Как ты?

- Мам, тут проблема.
- Какая? Что с тобой случилось?
- Дядю Антона убили.

Молчание. Лакс расслышал в трубке плеск воды.

- Как убили? Кто?

Как мог, он объяснил ситуацию. Нет, его не ранило, он в это время спал. Нет, тело он не видел. Да, опознали, наверное, по документам. Нет, он не собирается возвращаться. Да, ему есть где ночевать.

– Мне подумать надо, – наконец, произнесла мать, – извини... я ещё потом позвоню, слышишь? И ничего не бойся! Всё наладится!

Кажется, он расслышал короткий всхлип. Потом пошли гудки. Стало очень обидно, что он почти не чувствует скорби. Если бы он узнал Триколича получше... Но до сегодняшнего дня он видел его всего пару раз, – дважды в детстве и в те дни, когда уходил после операции. А теперь увидит только на поминках.

Чтобы отвлечься, Лакс принялся думать не о самой смерти, а об её обстоятельствах. Вот, например микстура. Конечно, пробовать незнакомые лекарства – это спорт для тех, кого не пустили в камикадзе за безрассудность. Но для человека, который любит закидываться, пропустить такой шанс – это всё равно, что овце не попробовать новое пастбище.

Микстура в шкафу, и это разумно. Но её оттуда можно вытащить – через Лучевского, например. А значит, тоненький ручеёк мог течь. И нет ничего удивительного, что не успело остыть тело Антона Триколича, как люди из какого-нибудь наркоконтроля тут же бросились обыскивать его лабораторию. Разумеется, они не нашли там ничего полезного. Или не успели найти...

На остановке понемногу скапливались люди. Похоже, они возвращались с того моления, про которое говорили по телевизору. У кого-то через плечо была перекинута лента со странно выглядящими крестами, кто-то нагрузился коробками. Низкий парень в коричневой куртке взмахивал руками, пытаясь передать свои ощущения.

– Эти песнопения, вы понимаете? Я когда их слышу, из меня всё так и рвётся, это ужас, просто ужас.

Подъехал девятый автобус. На табличке с маршрутом значилось: «ДС Дарвина – ул. Гексли». Лакс посмотрел на неё и вспомнил, где он видел этот адрес.

Гексли, 6 – это было на библиотечной карточке. Там живёт Копи!

Холод пробрал его до костей. Он буквально влетел в автобус и вцепился в поручень, притоптывая от возбуждения.

– Автобус в сторону Гексли идёт?

– Да, конечно.

В первый раз за всю жизнь общественный транспорт казался ему слишком медленным.

VI. Зелёный Домик

Автобус нёсся через город, уже накрытый холодными вечерними тенями. Лакс повис на поручне и продолжал лихорадочно думать.

Они подозревают Копи, это ясно. У Лучевского слишком большой дом и богатые родители. Поэтому они сейчас приедут к ней, возьмут её и будут допрашивать всю ночь, а наутро проснувшийся подполковник уже ничего не сможет сделать. В школе рассказывали такие истории. А он её родственник и покрывает её... по-родственному, разумеется, никакого бандитизма и даже верит, что она исправится. А она не исправится. Странная история, но вполне обычная для отдела криминальной хроники какой-нибудь жёлтой газеты.

А самым странным в ней было вот что – Лаксу почему-то было очень жалко Копи.

Было очень страшно. Было страшно по-настоящему. Забылся даже Триколич, и все мысли были о несчастной, побеждённой в споре Копи, которая сейчас сторожит сейф с микстурой, не переставая биться в судорогах. А может, она его уже открыла и пьёт микстуру прямо из горла, и ей кажется, что с каждым глотком ей становится легче – ровно до того момента, пока она не допьёт склянку до дна и не рухнет замертво.

Будущему свителю биологической науки уже было так стыдно за спор в «W», что он был готов перед ней извиниться. Да, иногда сочувствие делает то, что не по силам и десятку трибуналов инквизиции.

И, если бы автобус не прибыл, наконец, на «Гексли – конечная», Волченя дошёл бы и до признания правоты идей Протопопова.

Похоже, здесь тоже была окраина. Стена городской застройки состояла из панельных хрущёвок с красными балконами, так что угол городского квартала казался носом огромного бетонного ледокола. Напротив расположилась площадка для автобусов, проломленная кое-где весенней травой, а за ней кусты и небольшие деревья, казавшиеся в зареве заката почти чёрными. Дальше раскинулось огромное тёмно-сизое озеро. Лакс сперва принял его за море, но тут заметил на другом берегу ещё одну полосу жёлтеньких панельных девятиэтажек.

Из пассажиров до конечной доехал он один. Пришлось стучаться к водителю.

– Как проходит улица Гексли?

Тот махнул рукой вдоль прибрежных зарослей. Приглядевшись, Лакс заметил среди деревьев очертания небольших частных домиков. Они стояли кое-как, а самый близкий к остановке был полуразрушен, и сквозь дыру можно было разглядеть чёрный опорный столб. В огородах, отделённых иногда дырявыми проволочными секциями, а иногда просто проволокой, росли все те же дикие кусты.

Лакс почти бежал вдоль этой странной улицы, пытаясь разглядеть номера домов. Тьма опускалась, медленно заполняя город.

Мать рассказывала ему про названия, хотя Гексли и не упоминала. В начале девяностых администрация Кинополя присоединилась к общероссийской волне переименования улиц, чтобы поскорее освободиться от груза прошлого и хотя бы через топонимику усвоить прежде ненавистную буржуазную мысль. Тогдашний мэр, некогда преподававший в том самом университете, куда собирался поступать Лакс, философию и историю партии, торжественно обещал «заменить устаревший марксизм-ленинизм нестареющим социал-дарвинизмом».

Улица Коммунистическая стала Капиталистической, улица Карла Маркса – улицей Вебера, а улица Энгельса – улицей Герберта Спенсера. Улицы Социалистическая и Революционная стали, соответственно, улицами Черчилля и Чемберлена. Красногвардейская стала сперва Белогвардейской, а потом, внезапно, Фукуямы. Причём большая часть её жителей была уверена, что Фукуяма – это город-побратим где-то в Японии, наподобие минского Бангалора.

Французские филологи написали петицию, и улица Берсона стала улицей Бергсона, а Прушинских – Марселя Пруста. Улицу Макаренко хотели переименовать в честь доктора Спока, но в последний момент она стала Зигмунда Фрейда. Улица Карла Либкнехта стала улицей Макиавелли, Розы Люксембург – Цезаре Ломброзо (их окрестности тут же окрестили «итальянский квартал» или даже «коза ностра»). Венчала всё это центральная площадь, где сходились Вебера и Чемберлена: там убрали Ленина, а саму площадь переименовали в честь Столыпина. Ленин, впрочем, не был потерян – он перебрался на соседнюю площадь, сменил голову и дал ей имя Людвиг Витгенштейна – кто это такой, Лакс не знал, но человек, наверное, великий.

Биологи тоже не остались в стороне – на карте были увековечены имена Геккеля, Гулда и Вавилова, плюс где-то на окраине грел сердце переулок имени Мотоо Кимуры.

Ещё совсем недавно эти названия казались Лаксу неземной музыкой. Такой чудесный город с такими чудесными улицами! А сейчас эту красоту окутывал мрак, и сырой вечерний ветер выполз из своей берлоги.

Дом шесть был старым, но отнюдь не запущенным. Зелёный и деревянный, он отгородился от мира подобием частокола с небольшой железной калиткой. В траве белели упавшие яблоки.

Лакс перемахнул калитку, подошёл к крыльцу и заметил, что дверь полуоткрыта. Изнутри доносился гул. Это ему очень не понравилось. Он потянул ручку и дверь отварилась.

Дом казался нежилым. В пустом коридоре сквозняк тянул по полу обрывок бумаги, а возле плинтусов скопилась пыль. Ковра на дощатом полу не было и Лакс решил не снимать обувь.

А ещё играла музыка. Медленная, дремотная, тягучая, с колючими гитарными переборами, – Лучевский бы наверняка её оценил. И девичий голос скорее шептал, чем пел:

Охотники на снегу...
Вязальная спица в стогу...
Видеть тебя не могу...

На полу лежал женский ботиночек с низким каблучком и тонкой подошвой. Чуть дальше – ещё один ботиночек. Кажется, он видел такие на Копи. На небольшом табурете валялась сумка. Лакс свернул в комнату, думая, что там должен быть уже сейф.

Но сейфа не было. Были громадные, наполовину пустые книжные полки, смятая кровать, ноутбук, на экране которого вздрагивали столбики проигрывателя и школьная форма на полу. Копи лежала на кровати, закутавшись в синий халат. Её трясло, словно на электрическом стуле.

Тут Лакс впервые почувствовал, насколько плох сейчас и он сам. Мир потерял свои краски не только из-за сумерек – столбики, вздрагивавшие в такт сонным аккордам, были лимонно-жёлтыми. Руки дрожали, и дрожь от них поднималась к голове и загривку. На следующем шагу он споткнулся и чуть не упал. Ноги тоже не слушались.

– Копи! – крикнул он, – Копи! Я не знаю, что ты принимаешь, но к тебе сейчас могут прийти. Я сейчас закрою дверь. Будут стучать – не отвечай. Пусть думают, что дом пустой! Они от тебя не отстанут.

Копи повернула к небу лицо с почерневшими глазами.

– Не важно. Я уйду.

– Как ты себя чувствуешь? Тебе хуже?

– Мне лучше. Сейчас всё начнётся. Уходи!

– Копи, да ты что, не понимаешь! Тебя как тряпку на ветру сейчас трясёт! – он наклонился над ней и попытался взять её за руку, – Ты помнишь, Триколич говорил что-то про повторный приём? Тебе сейчас надо что-то делать. Ты до утра не доживёшь.

– Утром всё вернётся... обратно...

Лакс наклонился пониже и, наверное, упал бы на неё, если бы в последний момент не ухватился за спинку кровати.

Охотник прицелит лису...

Хозяйка найдёт колбасу...

А мы, как всегда, – на весу...

Лакс зарычал и бросился обратно в коридор. Надо было что-то делать, что угодно. Опасность была рядом, она надвигалась, словно грозовая туча.

Где искать микстуру, было не очень ясно. Поэтому он решил сперва запереть дверь. Замок был кнопочный, но пальцы не слушались, и закрыть удалось только с третьей попытки. Потом свернул в первый из двух нетронутых дверных проёмов.

Белые стены, продавленный диван, картина, изображавшая лес лунной ночью. На тумбе вместо телевизора – большая ваза с искусственными цветами. Лакс оглушительно чихнул.

На кухне нашлись газовая плита, доисторический холодильник (сейф в него было не спрятать) и кастрюля без крышки. Лакс заглянул в духовку и нашел там сковородку. Потом открыл пожелтевший от времени настенный шкафчик и нашёл там нетронутую пачку макарон. Он попытался заглянуть на верхнюю полку, но потерял равновесие и чудом всё не обрушил. Под ногами задрезжал друшлаг. Поднимать его сил уже не было.

Вообще, дом ему не нравился. Так, должно быть, выглядят покинутые жилища на войне, где кровь пропитала горячую землю. Лакс заглянул и в туалет, и в кладовку, но нашёл там только инвентарь, пыль и пустые трёхлитровые банки. Чихая, он вернулся обратно в комнату.

Копи смотрела в потолок.

Охотник преломит Луну...

Охотник подходит к окну...

И он говорит – никому...

И он говорит – тишину...

Лакс подскочил к ноутбуку и нажал на выключение. Ноутбук пожужжал и подчинился.

– Зачем выключил?

– Так они нас не найдут!

– Ты говорил, что уже... нашли...

– Копи, где микстура? Куда ты поставила сейф?

– У тебя в первый раз, что ли?

– Копи!

Апраксина напряглась всем телом. Казалось, она собирает последние силы.

– Свитерними! – прошипела она, – И ботинки.

Лакс оглядел себя.

– Зачем.

– Задушит! Или ногу вывернешь.

– Копи, ты чего?

– Снимай, кому говорю!!!

Он подчинился. Конечно, она бредила, но не хотелось обижать больного человека. В конце концов, в домике было скорее прохладно, чем холодно и Лакс уже чувствовал, что начинает преть.

– Майка? Хорошо... Брюки хорошо, что просторные... Нашим джинсы нельзя... Чтобы живот не давило... Лучше совсем, конечно... Но у меня озноб, например...

– Копи, ты бредишь!

Лакс схватил её за плечи и приподнял, стараясь заглянуть в глаза. Взгляд он поймал, но без толку – её мысли были очень далеко.

– Всё хорошо, господин ассистент... нэс-па?.. Засыпаю, чтобы проснуться... Луна звенит, слышите?

– Копи, Луна не звенит. Ты бредишь, Копи.

– Уверен?

– Уверен, как уверен в том, что у меня есть рука!

Он отпустил девушку и выставил вперёд правую руку.

– Рука? – брови Копи задрожали, – Почему рука? Руки были раньше!

Сначала он только почувствовал – тонкий, пока ещё незаметный зуд под кожей. И только потом посмотрел и увидел, что рука не просто трясётся. С ней происходило что-то странное.

– Смотри! Начинается!

Рука побледнела, словно от неё отхлынула кровь. Заныли безымянный и средний палец. А потом что-то ударило в голову и в ушах действительно зазвенело, тонким, пронзительным звоном. Рот пересох, в горле словно гулял пустынный смерч, а средний и безымянный палец начали расти, быстро-быстро, как побеги гороха. Короткий, яростный спазм ударил по всему телу, проходя, как молния, от макушки до пят, и пропитывая его энергией. Перед глазами вспыхнули искры, и что-то тяжёлое и невидимое схватило его за загривок и стало сжимать, мять, вытягивать в длину.

Рука сжалась и стала тоньше, а потом из неё полезла, покрывая и пальцы, и кисть, и запястья густая серая шерсть.

Лакс рухнул на пол. Уши горели, они словно ползли по голове куда-то к макушке, но продолжали ловить звуки и он слышал, как трясётся на кровати Копи и как стонут под ней пружины. Он хотел ей что-то крикнуть, но сухое горло не послушалось. Вместо этого он смог издать лишь слабый стон, словно щенок, который осип и не способен лаять.

И тут весь мир опрокинулся.

...Он лежал на спине, слушал звон в ушах и видел, как вращается вокруг него комната. Мути не было, не было красок. Лишь оттенки серого внутри комнаты и тёмно-желтый отсвет окна. Царил полумрак, он чувствовался, и всё равно никогда ещё Лакс не воспринимал всё с такой чёткостью. Он видел ясно, словно на чертеже, и линию стыка между потолком и стеной, и люстру, и книжные полки – и их целиком, и каждую книгу в отдельности. Уши тоже уже не болели, и он неожиданно чётко расслышал, как упало в саду раннее яблоко. А вот шея занемела и не слушалась. Ему пришлось отползти, чтобы разглядеть кровать.

На кровати сидел волк. Сравнительно молодой, ещё переярок, серый, с глазами, похожими на ягоды смородины, но при этом необыкновенно большой, размером с матёрого.

Лакс отодвинулся ещё дальше. Руки и ноги тоже не очень слушались, они словно отвыкли от того, что их больше не трясёт.

Волк между тем не проявлял враждебности. Он смотрел на него почти с любопытством и даже оскалился в подобии улыбки.

Лакс как мог уселся на полу и посмотрел на зверя, соображая, что делать дальше. Копи нигде видно не было. Школьная форма лежала на прежнем месте, а с кровати свисал синий халат. Сколько же он пролежал без сознания? И куда делась Копи? Если её забрали, то почему не заинтересовались ассистентом, который лежал без сознания прямо возле её кровати? И откуда в комнате волк? Что делает этот зверь в городе?

Мысли не слушались. К тому же, с ним самим происходило что-то непонятное. Нет, на приступ это было не похоже. Это было что-то вроде шевеления ушами, что-то непроизвольное, но при этом совершенно непривычное. Он внимательно прислушался к себе и понял, что ощущение идёт из хребта, из самой нижней его части. Словно у него из спины выросла ещё

одна рука, и эта рука сейчас постукивала по полу, помогая голове собраться с мыслями. Что же это может быть? Лакс попытался оглянуться, но замер, потому что понял всё раньше. Словно в трансе, он опустил взгляд на свои руки и скорее удостоверился, чем был удивлён.

Он уже понял, что произошло. Нет, на кровати был не волк. Это была волчица. И Копи никто не забирал. Волчица – это и была Копи.

А напротив неё сидел волк-переляк, пару минут назад бывший Александром Волчней, – и бил по полу хвостом.

Часть II. Волчье-Ягодное

VII. Бечёвка через море

Рокот двух мотоциклов. Сначала он смешивался с гулом далёких машин, но потом отделился и стал приближаться, нарастая, словно тяжёлая клокочущая волна. Вырулили, разделились и затормозили.

Замерли.

Тишина.

Кто-то шёл через сад.

Лакс прислушался. Шли двое, шаркая, тяжело дыша и позвякивая чем-то металлическим. Заскрипел порог. Потом потянули на себя дверь.

Копи спрыгнула с кровати, подошла к окну, и потянула зубами створку. Окно приоткрылось, очень легко и бесшумно. Повеяло сыростью, ароматом яблок, а ещё тонким, колючим и едким ароматом незваных гостей.

Они говорили шёпотом. Но ночь была достаточно тихой, а слух волка – достаточно острым, чтобы разобрать слова.

– Запомнил, как надо?

– Да, конечно. Если она человеком, сделаем ангела, если собачий вид – убьём и причастимся.

Дверь скрипнула и не поддалась. Потом постучали. Замерли, прислушиваясь к тишине. Голос произнёс:

– Через окно.

Копи вздрогнула и поспешно закрыла раму. Потом дёрнула за едва заметный рычажок. Внутри щёлкнуло и рама застыла.

Копи отошла, оценивая свою работу. А потом одним прыжком перемахнула через кровать и побежала в коридор. Лакс последовал за ней, пытаясь рычать. Лапы его уже слушались, а вот с голосом были проблемы – как ни пытался он прошептать хоть что-то осмысленное, горло выдавало лишь рычание. Как же теперь разговаривать?

На пороге второй комнаты Копи фыркнула – пыль не нравилась и волчьему носу – подскочила к окну и всё тем же движением ухватила зубами щеколду. Почти одновременно из той комнаты, где они только что были, раздался звон разбитого стекла.

Лакс выглянул в коридор. Из тускло-жёлтого квадрата окна лезли два чёрных человека. Волчenea медленно подкрался к порогу и взгляделся. Зрение было для него привычней, чем запахи.

Вид у пришельцев был примечательный. Головы обвязаны пёстрыми платками, на запястьях – браслеты из верёвочек, на шее качалось не менее шести тяжёлых, здоровенных крестов. А ещё у них были ружья, или, точнее, обрезы.

– Вон она!

Тот, который лез в окно, не стал даже завершать свой манёвр. Он рухнул прямо на подоконник, вскинул образ и дал залп.

Лакс успел увернуться – оттолкнулся лапами и перекатился в бок, словно аэроплан, который делает бочку. Врезалась в стену мелкая картечь, сверкнувшая белыми искорками. Лопнула заросшая пылью лампа. По деревянным доскам застучали осколки.

– Тихо ты! Заряд уже потратил!

Лакс отступал в комнату, обдумывая план дальнейшей обороны. Да, насчёт наркоконтроля он ошибся. Но положение не подходило для придумывания новых теорий. Поэтому он

просто заключил, что этим нужна не Копи, а её шкура. И если будет шанс взять две шкуры, они их возьмут.

Что там с окном? Лакс обернулся и обомлел. Копи нигде не было. Она словно испарилась из комнаты.

А за стеной, в коридоре, тяжёлые ботинки уже захрупали по осколкам разбитой люстры.

Лакс подскочил к окну и толкнул его мордой вверх. Рама не шелохнулась. Рычожок был и здесь, но трогать его Лакс не решался. Он боялся, что пропросту себя запрёт.

– В комнате они! Идём!

– Начнем, благословясь!

Среди деревьев мелькала белая спина Копи.

Лакс толкнул раму вперёд и она вдруг сдвинулась, приоткрыв чёрный проход. Повеяло ветром и снова запахло спелыми яблоками. А потом окно захлопнулось.

Страх не отпускал, но на него не оставалось времени. Слишком много других мыслей заполонили теперь уже волчью голову. Рядом стоял столик. Лакс собирался запрыгнуть на него, но тут заметил колёсики.

Две тёмные фигуры появились в дверях. Несмотря на полумрак, он очень отчётливо видел контуры.

Конечно, у волков нет полного инфракрасного зрения, это удел змей и крокодилов, но всё же спектр был намного шире, чем у человека. Поэтому можно было различить даже движения рук, сжимавших оружие.

– Слыш, что с хвостом у него?

Лакс сжался, подготовился и швырнул в них столик – уже не одними зубами, а всем телом, распрямившись, словно пружина. Столик пронёсся через комнату, грозно урча колёсиками, и врезался в того, кто шёл первым. Тот отлетел на своего напарника, выпалив что-то матерное. Волченок снова толкнул окно и выскользнул в сад.

Получилось неплохо. Лапы сработали сами, словно идеально смазанные пружинные механизмы, и ему оставалось только вытянуться всем телом и мягко перелететь сквозь зель. Рама легонько царапнула по хребту.

Копи посмотрела на него с лёгким одобрением, после чего побежала прочь.

Он уже почти ощутил себя в безопасности, но тут грянул второй выстрел, и окно за его спиной брызнуло огромным смертоносным фейерверком. Лакс вильнул вбок и, стрелой понёсся в глубь сада, подальше от стекла и серебра.

Копи он не видел, но это было не нужно. Отчётливый, тонкий запах молодой волчицы горел на земле, и, словно большое густое облако, ощущался чуть левее его поля зрения. Он прыгнул в ту сторону и сразу же увидел светлый хвост, мелькнувший между яблонь.

– Давай, окружай! Не уйдут, прихвостни!

Под открытым небом их преследователи сразу почувствовали себя как дома. Перемахнув через подоконник, они тут же разделились, рассчитывая взять их в клещи.

– Их что, двое?

– Двое! Двоих возьмём!

– С нами ангельская сила!

Копи перемахнула частокол, и Лакс последовал её примеру. Теперь они были на небольшой полоске между участками коттеджей и чёрной гладью воды.

Ограда затрещала сразу в двух местах.

– К воде их, к воде!

Лакс подумал, что настало время прыгать в воду, но Копи вместо этого бросилась вправо, в сторону остановки и ивовых зарослей. Лакс бежал за ней, пьянея от ароматов сырой травы. Переговариваться всё равно не получилось, и поэтому он просто следовал за своей невольной подругой, решив для себя, что в волчьих делах она понимает лучше, чем он. Идея о спасении

вплавь казалась ему теперь скорее наивной – даже если бы инстинкт подсказал ему, как плыть (в этом Лакс был неуверен), плывущий зверь – слишком хорошая мишень.

Мотоциклы зарокотали синхронно, словно два пулемёта. Первое пятно фары вспыхнуло за заборами, ближе к дороге, а второе – прямо у них за спиной. А потом они дёрнулись и поплыли, похожие на две небольшие луны. Лакс крутанулся на месте, пытаясь сориентироваться и в конце концов бросился по тропинке вслед за подругой.

Дома расступались. Прямо впереди него маячило светлое пятнышко Копи. Чёрная тень с белым глазом приближалась к ней наперерез. Лакс зарычал и бросился к нему, оскаливая зубы. Жёсткая, нечеловеческая ярость вспыхнула в желудке и понеслась по жилам, похожая на языки пламени. Рокот мотоцикла бил в голову, словно он сунул её под водопад.

Выхлопы, масло и антифриз глушили все запахи ночи. Вращающиеся колёса обдавали горячим воздухом.

Тень развернулась и выставила ружьё. Лакс чувствовал, что теряет остатки самоконтроля. А тело атаковало – лапы, зубы, загривок и хвост уже готовились к последнему удару. Оставался мозг, полыхающий от бешенства, но сохранивший тень человека. И этот мозг сумел приказать в самый последний момент: поэтому Лакс прыгнул не вперёд, а чуть вбок, причём не к воде, а в другую сторону.

Мотоцикл рыкнул и развернулся, теряя скорость. Два выстрела грянули, как один, и две пули одновременно вошли в тот кусочек земли, где он оказался бы, прежде чем впиться зубами. Но Лакса там не было, он приземлился позади противника.

Кровь билась в теле, словно огромный молот, и он специально не смотрел в ту сторону – боялся, что инстинкт всё же сработает и он бросится в атаку, сверкая острыми зубами. Вместо этого Лакс побежал дальше по берегу, как можно быстрее, чуть-чуть ли не опережая свистящие вокруг пули

– Не уйдут! Там речка!

– Давай, давай, прижимаем!

– Господи, благослови!

Чёрная, мохнатая трава и такая же чёрная гладь воды. Далеко впереди уже показалась полоса реки, а выше, на горе, возвышалась, окутанные золотым галом, новая застройка, похожая на крепость.

Река была широкая, вдвое шире городской улицы. И как только он понял, страх вернулся и впился ему в загривок острыми когтями. А живот почувствовал голод – пока ещё едва осязаемый, словно лёгкий сквозняк.

А вот мотоциклы не знали усталости. Один белый глаз, не отставая, нёсся за ними по тропинке, а второй уже показался из-за домов и мчался наперерез, не пуская их к жилой застройке. Копи продолжала бежать вперёд, чуть сбавляя скорость. Тот, что ехал на левом мотоцикле, уже поднял обрез, прицеливаясь в её серебристую спину. Угол между ним и рекой всё сокращался и казалось, что ещё полминуты – и волки окончательно окажутся в мешке.

Возле последнего по счёту столба Копи взмахнула хвостом и повернула – но не вправо, как рассчитывал Лакс, а почему-то влево, прямо к гладкому, как застывшая смола, зеркалу озера. Зачем? Лакс не стал даже думать. Мелькнула мысль повернуть вправо и попытаться прорваться мимо жужжащих колёс и колючих выстрелов, но от тут же понял, что лапы его не послушают. Два волка бежали вместе и не могли разорвать эту связь.

Наконец, Лакс понял, куда направляется Копи. Возле устья речушки в водохранилище вдавался небольшой мыс, и от него начиналась узкая коса, поросшая травой и кустарниками. Сперва он почуял её носом – полоска, пахнувшая травами, среди огромного пространства воды, а потом заметил и глазами – чёрная дорожка, едва заметная среди сумрачных волн. Копи свернула не неё, и Лакс наподдал. Совсем не широкая, в одну колею для легковой машины, она казалась тоненькой-тоненькой, словно бечёвка, протянутая над бурлящим морем.

Голод уже начинал просыпаться, но лапы его не слушались. Тело было занято бегом, оно готово было бежать до тех пор, пока лапы не подкосятся и даже мозг просто принимал пустой желудок как факт, наряду и большой белой луной, которая горела среди расступившихся туч, словно огромная мотоциклетная фара.

Преследователи не отставали. Возле косы они затормозили, оценивая, должно быть, обстановку, и рванули следом по косе. Они ехали ровно, колесо к колесу, и два круглых огня за спинами волков казались фарами большой и свирепой машины, которая несётся за ними, чтобы схватить и перемолоть в железных зубах.

Бежать от неё было некуда. Лишь чёрная дорога, два волка на ней и железное рокочущее цунами, которое приближалось к ним, чтобы накрыть с головой. Уже можно было разобрать, что кричат друг другу охотники.

- Даже по воде не уйдут!
- Трижды причастились мы ангела!
- Трижды бессмертные!
- Трижды благословенные!
- Убиение праведно!
- Господи, благослови!

Рокот мотора разлетался над озером, отдаваясь слабым звонким эхом на другой стороне озера. Вонь уже накрыла их с головой, сквозь мутное облако дыма нос различал едкое бурлящее масло в железном сердце мотора. Белые лучи фар скрестились на нём, и над лапами заплясали две его тени, плоские и чёрные, словно нарисованные тушью. Тонко, почти неслышно звякнул взводимый курок.

Белое пятнышко Копи замерло на мгновение, а потом прыгнуло вперёд – чуть выше и дальше, чем раньше. Лакс напрягся, приготовился и тоже прыгнул вперёд, чуть только оказался на её месте.

Хрустнул выстрел, и хвост слегка обожгло, но это не имело никакого значения. Лакс взмыл высоко-высоко, почти готовый схватить зубами луну, и только там, наверху, разглядел, в чём было дело. А когда он приземлился в траву и чуть не повалился, запутавшись в лапах, всё уже решилось.

Мотоцикл успел рассечь колесом ускользавшую волчью тень, его водитель успел что-то крикнуть своему напарнику – а потом земля исчезла из-под колёс. Коса обрывалась двухметровым откосом, дальше была полоска чёрной воды, сверкающей, словно нефть, а за ним вставала другая коса, уже с того берега, на которую и приземлились оборотни. Мотоцикл взмыл ввысь, на какой-то миг показалось, что он тоже перелетит сейчас неожиданную преграду – но в тот же момент словно выдохся и камнем рухнул в воду, увлекая за собой что-то кричащего седока. Его напарник попытался свернуть и затормозить, но разгон был слишком большим. Белый круг фары вильнул вправо, пропал, закрытый чёрным боком, а потом мотоцикл рыкнул в бессильной ярости и тоже полетел в воду. Два громких всплеска, два чёрных столба воды, два нечленораздельных вопля и два мотора, которые почти одновременно всхлипнули, засипели и умерли.

Копи стояла в чёрной траве и внимательно смотрела в их сторону. Потом повернулась к Лаксу и сверкнула чёрными глазами: «Ну, вот и конец». Он понял её без слов.

А потом она развернулась, махнула хвостом и двинулась дальше, к берегу, на котором чернели сосны и горели огни домов. Лакс последовал за ней, чувствуя, что лапы начинают ныть, а в животе всё больше чувствуется пустота. Через пару шагов он почти успокоился, но голова продолжала гореть, а нос всё так же страстно пытался расшифровать любой запах.

Это было странное путешествие. Вдоль реки, по велосипедной дорожке, в прохладной тени деревьев, мимо заборов и избушек частного сектора, и спальных микрорайонов, которые

быстро сливались в одну сплошную ленту. Один раз их сменили низкие заборы и корпуса заводов, похожие на исполинские кирпичи, а сразу за заводами открылся новый район с многоэтажками, похожими на огромные башни. Дорожка всё так же шла вдоль набережной и деревья отгораживали её от застройки. Пару раз дорогу перебежал ёжик. И огромная белая фара полной Луны всё так же смотрела на них с угольно-чёрного неба. Ночь была пасмурной и холодной, но тучи словно не решались её закрывать.

Один раз под лапами блеснули чёрные линии трамвайных рельс. Он огляделся, но улица была ему незнакома.

Наконец, слева от них открылась огромная лестница из светлого камня и с пузатыми колоннами в духе восемнадцатого века. Она уходила вверх, и чёрные заросли обступали её со обеих сторон. Лакс подумал, что сейчас они свернут – и не ошибся.

Копи взбежала наверх, прошмыгнув по ступенькам, словно лёгкая тень. Он следовал за ней. Для случайного прохожего они бы показались, пожалуй, двумя обычными бродячими собаками, разве что отъевшимися до невиданных прежде размеров.

Лестница вывела к сурового вида четырёхэтажному зданию, напоминавшему крепость. Его строили в первые послевоенные годы, когда сталинский ампир ещё оставался суровым и полувоенным. Высокие окна, стены из больших серых блоков и колонны, утопленные прямо в кладку. На уровне третьего этажа горела алым неонов вывеска круглосуточного интернет-кафе.

Копи пробежала к порталу, обложенного полированным чёрным гранитом, и прошмыгнула в боковой проём. Там скрывалась небольшая лесенка на подвальный этаж, почти целиком накрытая мраком. Даже с волчьим зрением Лаксу приходилось нащупывать каждую ступеньку. Спуск заканчивался слабо подсвеченной дверью, раскрашенный чёрно-жёлтыми полосами. За ней – небольшой гранитный коридор с неяркими люминесцентными лампами, утопленными в потолок. Копи сидела на полу, а незнакомая женщина в халате технички и резиновых жёлтых перчатках склонилась над ней и медленно чесала ей загривок. Копи урчала и задирала голову, пытаясь улыбнуться зубастой пастью.

Заметив Лакса, женщина не удивилась.

– Ещё кого-то привела? Ну ладно, пошли, разместимся. Тут много мяса привезли, на всех хватит.

Она провела их переходами подвального этажа, низкими и тесными, словно сдавленными огромной тяжестью здания-крепости. От каменных стен веяло холодом. Наконец, они оказались в небольшой комнатёнке с подвальным окошком и двумя ковриками на полу, какие обычно постилают собакам. Копи выбрала левый, свернулась там калачиком и тут же провалилась в дрему. Лакс уселся на правый и внимательней огляделся.

Кроме ковриков в комнате не было ничего, если не считать больших часов со стрелками. Стрелок на часах было четыре – три обычных, чёрных, и одна красная и длинная, застывшая на пятом делении. Лакс подумал, зачем она может быть нужна, но тут снова открылась дверь и он сбился с мысли.

Это была всё та же женщина в жёлтых перчатках. Она поставила на пол два металлических тазика, полных ароматного, солоноватого мяса, нарезанного точь-в-точь так же, как то, которое ел Лучевский.

Голод не отпускал и Волченья набросился на еду, чавкая и почти глотая непривычные куски. Мясо падало в живот и сразу становилось лучше. Опустошив тазик, он вернулся на подстилку и почувствовал, что проваливается в сон. Внутри уже разгорелся приятный, мягкий огонь и потоки тепла расплзались по жилам, охватывая тело, словно невидимая сеть.

Дремота застилала глаза, и волчьи мысли ослабли, словно удалившись в желудок. Голова опять думала по-человечески. Она отметила, что Лучевский, должно быть, тоже оборотень, и такие же оборотни его сёстры, а раз это так, то и из волчьего состояния можно вернуться.

Потом вспомнился Зигфрид, который тоже в своё время надел волчью шкуру, а потом очень долго не мог стать человеком. Потом начался сон: лес, освещённый полной луной, и барон Зигфрид Лучевский, который выехал на охоту. Лакс пытается объяснить ему что-то, но у него получается только выть. И барон Зигфрид не будет слушать Лакса, потому что именно на него он сейчас и охотится.

А потом раздался треск, и ткань сна разорвалась пополам. Волччя снова был в каменной комнате, только теперь часовая стрелка уже слилась с красной, Копи проснулась и доедала своё мясо, а возле мисок лежала аккуратно сложенная одежда.

Копи лизнула дно миски, посмотрел на Лакса и рыкнула, а потом мотнула головой. Он сначала ничего не понял, потом догадался и отвернулся. За спиной послышался шорох и хруст, а потом зашелестела одежда.

– Можешь повернуться.

Копи была снова одета – теперь уже в лёгкое длинное платье и сандалии. На Лакса она теперь смотрела сверху вниз. Лакс подумал, что из волчьего тела она кажется не милой, а просто красивой, как красивы дикие животные.

– Ну что ты смотришь? Давай, скидывайся!

Волччя посмотрел на неё почти жалобно.

– Тьфу, бестолковый. Ну лапами делай, лапами! То есть не лапами... Ну представляй, что обратно хочешь! Представляй!

Лакс попытался встать на задние лапы, но чуть не упал.

– Эх...

Копи встала на четвереньки, двинулась вперёд, а потом подпрыгнула, одновременно вытягивая вперёд руки.

Лакс развернулся, отступил на полшага и тоже подался вперёд, вытягивая лапы и пытаясь представить себя человеком. Суставы застонали, локти, плечи и загривок обожгло острой болью, а потом в позвоночник впились железные иглы. Волччя взвыл, в глазах покраснело, а по щекам побежали слёзы. Он попытался удержать равновесие, но остутился и полетел кувырком, грохоча железным тазиком.

Потом открыл глаза и застонал, выставив живот и подняв все четыре лапы. Нет, непросто зверю стать человеком, совсем непросто! Неужели не видно?

Копи однако, смотрела на поверженного волка почти с любопытством. Потом наклонила голову и хихикнула.

– Ты так и будешь лежать?

Волччя кивнул. А что ещё остаётся волку среди людей?

– Вставай, одевайся.

Лакс нахмурился.

– Издеваешься что ли?

– Вставай, кому говорю!

– Я скинуться не могу!

– А почему разговариваешь?

Лакс вздрогнул и посмотрел на переднюю лапу. Она была рукой – вполне человеческой, и с пыльной ладонью. Очень озадаченный этим фактом, он перевёл взгляд на ноги. Ноги тоже были на месте, довольно сильно испачканные за ночь.

Волччя поднялся, отряхнул руки и принялся одеваться. Копи отошла к стене и продолжала на него смотреть, скрестив на груди руки.

– Извращенка, – заметил на это Лакс. И чудом избежал пощёчины.

VIII. Третья Коалиция

Женщина в желтых перчатках провела их на второй этаж, к двустворчатым дубовым дверям. Потом поклонилась, зачем-то выставив вперёд правую руку, и скрылась на лестнице. Копи ещё раз осмотрела Лакса – в чёрном свитере и светлых брюках он напоминал молодого, подающего надежды мафиозо из старого итальянского фильма – после чего распахнула створки.

Они оказались в просторном зале со сводчатым потолком и тяжёлыми шторами на окнах. Похоже, здесь как раз шло некое совещание. За длинным столом сидели люди, закутанные в белые полотнища наподобие древнегреческих тог. Так, должно быть, выглядели древнеримские сенаторы, когда собирались, чтобы обсудить скорое убийство очередного солдатского императора.

Услышав скрип створок, они разом замолкли и обернулись, давая Лаксу шанс изучить их подробней.

– Со мной всё в порядке, – сообщила Копи, – С ним тоже. Это племянник Триколича, если кто не знает.

Лакс тем временем изучал совещающихся.

За столом собралось человек пятнадцать. Одна группа, поменьше, заняла левую сторону, где были стулья с высокими спинками и чёрной обивкой. На председательском месте восседал молодой человек с тонкими руками и безукоризненно выбритой головой. Напротив, на креслах пониже с обивкой цвета вишен, расселись все остальные. Здесь председательствовал улыбчивый мужчина средних лет, в котором Лакс, немного приглядевшись, узнал подполковника. На этот раз он был в штатском.

– А вот и наши жертвы, – заметил тот, отводя взгляд, – На них сегодня тоже нападали. Копи, расскажи, что это были за люди.

– Двое на мотоциклах. Судя по разговорам, сектанты и не из местных. Воронянку совсем не знают. Мы ушли через косу.

– Что с ними теперь?

– Я думаю, утонули.

Апраксин хмыкнул.

– Итого, у нас два покушения за один день. Случай даже для истории Коалиции беспрецедентный. Что вы об этом думаете, Кинель?

Ещё одна знакомая фамилия.

– Три, – поправил безукоризненно лысый, – Третье покушения.

– А на кого третье?

– На меня.

За большими скруглёнными окнами можно увидеть кусочек той самой лестницы, по которой они поднимались сегодня ночью. В лучах рассветного солнца ступени казались алыми, словно кто-то вылил на них кровь.

– Это интересная новость. К вам тоже пришло два человека?

– Да, двое. С ружьями и все руки в амулетах. Ружья заряжены серебром. К сожалению, моя служба безопасности сработала хорошо и быстро. Поэтому допросить не получится. Как мне кажется, эти тоже были из другого города и даже не слышали про Волчий Дом. Искали меня в коттедже, хотя я здесь с тех пор, как началось полнолуние. Я не видел пока даже тел.

– Снимите отпечатки, – попросил Апраксин, – мы по базе пробьём. Я уверен, что до начала служения эти праведники хоть раз, да привлекались.

Лакс поднял руку.

– Простите...

Всё собрание посмотрело в его сторону. Семнадцать пар цепких, внимательных глаз. Лаксу показалось, что на него повеяло ледяным ветром Арктики.

– Простите, я не знаю, важно ли это, – он сглотнул, пытаясь побороть подступившую к горлу тошноту, – Копи не сказала, но надо хочу, чтобы вы знали. Судя по всему, я – волк-оборотень.

– Не беспокойтесь, – произнёс Кинель, – И почувствуйте себя как дома. Мы все здесь оборотни.

– Итак, что же у нас получается? – Апраксин скинулся на спинку кресла, – Вчера днём убит член коалиции. А вечером кто-то атакует ещё двоих – мою дочь, а также самого председателя. Они плохо знают город, но очень хорошо знают, по каким точкам бить. Как минимум в трёх случаях – хотя я уверен, что четвёртый очень на них похож – это непонятные религиозные люди, у которых есть мотоциклы, серебро, ружья, чёткий план, но нет представления ни о городских обстоятельствах, ни о том, где мы будем прятаться. Они знают наши шкуры, наши полнолуния, наши домашние адреса в человеческом виде. И это означает, что им их кто-то сказал. А ещё – что спрятаться от них мы не сможем. Да, мы можем переехать в другие квартиры. Но они и там нас найдут.

– Каким же образом? – осведомился оборотень с морщинистым лицом и редкими белыми волосами.

– Каким точно – не знаю. Но я уверен, что тем же самым, каким они узнали, где мы сейчас.

– Значит, будем драться, – сказала женщина в чёрном кресле, – Убит наш, из коалиции, – какие могут быть вопросы? Всё по уставу.

Кинель едва заметно кивнул.

– Я полагаю, что мнение госпожи Алчихиной не вызывает никаких возражений. Мы не можем прятаться и должны дать отпор.

– Есть вопрос, – Апраксин поднял палец.

– Если он есть, я полагаю, что сейчас самое время его задать.

– Вопрос такой: а кому мы его даём?

За столом возникло замешательство. Однако Кинель выглядел всё таким же спокойным.

– Это хороший вопрос. И я уверен, что вы не задавали бы его, если бы не знали приблизительного ответа.

– Знать – не знаю, но мысль одна есть, – отозвался Апраксин, – И как мне кажется, она очень верная. Смотрите сами – это люди, достаточно богатые, чтобы стрелять серебром, достаточно фанатичные, чтобы гибнуть самими, и при этом достаточно чужие, чтобы не знать город. Кроме того, я ни разу не слышал о таких преступлениях. Значит, такие люди появились в городе недавно. Я не думаю, что они стали бы так ловко прятаться десять лет, чтобы так неудачно атаковать за одну ночь.

– Кто же эти люди?

Апраксин обвёл в воздухе круг.

– Единственные, на кого это похоже – это Церковь Воссоединения.

– Это плохая новость, – заметил Кинель.

– А именно?

– Дело в том, что они уже достают меня и по обычным каналам. И я делал некоторые запросы...

– Они вампиры?

– К сожалению, нет. Они хорошие дельцы. И это в тысячу раз хуже.

– Разве обязательно бороться с ними честно?

– Не обязательно. Но они не такие слабые, как нам кажется. Я, правда, не знаю, кому и сколько чемоданов денег они занесли, кого и чем в администрации купили. Но итог был довольно неожиданный. И я вынужден признать, – Кинель оглядел присутствующих, – что даже с моим влиянием я не могу их выгнать легально. Поэтому, Апраксин, нам всем нужна ваша помощь.

Апраксин поморщился.

– Вы переоцениваете силовиков. Матейфель – он вроде как природу охраняет. Религиозными войнами не занимаемся.

– Строительные компании ими тоже не занимаются. Но, как видите...

– Я пока вижу одну темноту. Если бы мы могли их выдворить, а потом прощупать, проблемы не было бы никакой. Но это знаю и они. И я уверен, что прежде, чем выдать первое ружьё, они себя прикрыли так хорошо, как это можно сделать за деньги.

Кинель качнул головой и отвернулся к окну. Проследив, за его взглядом, Лакс догадался, что он смотрит на небо. Но там не было ничего особенного. Редкие облачка предвещали жаркую погоду, а ещё не успевшая исчезнуть Луна казалась белым кружком, вырезанным из фольги.

– Значит, – теперь Кинель говорил медленней, – остаётся другой способ. Совсем другой. Впрочем, я не могу сказать, что удивлён. Лучевский и Вилковский могут много рассказать об их делах в городе. А около месяца назад Алчихина, по моему приказу, запросила Филиал. Так я узнал, что они за люди. И эти люди мне не понравились.

– Они шпионы? – спросил тоненький и смуглый человек с прямыми чёрными волосами, – Северокорейцы?

Женщина в чёрном кресле мотнула головой.

– Раз в десять хуже. Это ребята вроде мунистов. Или тех японских отморожков, которые газовую атаку в метро устроили. Протестанты из Южной Кореи, штаб-квартира в каком-то городке провинции Кёнсан. Не спрашивайте меня, где это расположено. Как и подобает новообращённым протестантам, они стукнутые на всю голову и из пары стран их уже выперли. Во Владивостоке у них две церкви и доля в трёх серьёзных производствах. Есть отделения в Иркутске, Красноярске, Москве. Это только зарегистрированные. Учат о скором конце света в атомной войне, втором пришествии и граде избавления, на который бомбу пожалеют и где спасутся настоящие праведники. Эта война расписана у них очень подробно, вплоть до фронтов и командующих. Про город с непосвящёнными они стараются не говорить. Но известно, что он далеко от столицы и это скорее анклав, окружённый другими государствами, чем полноценный город центрального подчинения. Поэтому в случае войны прикрыть его фронтом будет трудно и городские власти сочтут за благо объявить нейтралитет.

– И что, – Апраксин едва заметно улыбался, – они нашли такой город?

– Целых три. В Калининград их, правда, пока не пускают. На Дальнем Востоке это Владивосток, но там слишком много военных моряков и батарей на берегу, пусть даже и заброшенных. Поэтому остаётся третий. Это, как вы уже догадались – Кинополь. Они всерьёз уверены, что у Кинополя нет другого хозяина.

– Мы долго закрывали глаза на их бредни, – сказал Кинель, – и верили на слово, что их царство – в области духа, а туда наши полномочия не распространяются. Но после сегодняшней ночи мы не можем их игнорировать. Мы не можем даже загнать их обратно в их церкви и стадионы. Поэтому мы сами за них возьмемся. И будем их чистить до тех пор, пока каждый из нас не сможет быть уверен, что он может спокойно ходить по городу, без риска быть нафаршированным серебром! Я предлагаю выработать план немедленно. Охоту объявлять рано, потому что мы не знаем, угрожают ли они всей Коалиции целиком. Но я думаю, и нашей обычной реакции будет для них достаточно.

Апраксин кивнул.

– Только есть предложение, – сказал он, – У нас ещё есть на повестке ещё что-то? Давайте сначала по тем вопросам пройдемся. Чтобы потом, всеми силами – на охоту! А то у нас пока даже с креслами неразбериха.

Кинель поморщился, но кивнул. Похоже, он думал о другом.

– У Триколича не было своей стаи, – сказал он глухим голосом, – Поэтому его место вакантно. Вчера днём у нас в городе образовалась вакансия на один хвост. А неделю назад со мной связалась одна стая, которая хотела бы получить у нас пристанище. Разумеется, эта стая состоит не из одного человека, поэтому мы будем вынуждены им отказать или ограничиться представителем. И, возможно, нам удастся добиться того, чтобы мёртвый Триколич сражался вместе с нами так же, как если бы он был живой.

Лакс быстро окинул взглядом лица присутствующих. Похоже, про стаю они услышали впервые. Собрание было богатым на новости.

– А что за стая, если не секрет? – осведомилась Алчихина.

– Скажем так – стая, которую я меньше всего бы хотел видеть в городе. Это стая Гамидова.

Их опять откуда-то выгнали.

На дальнем конце стола послышался сдавленный рык. Кинель замолчал, терпеливо ожидаясь

Рычал смуглый мужчина средних лет, с гладкой кожей и миндалевидными глазами.

– Жить им негде... Пусть в Агдам валят, собаки!

– Почтенный Мардагальян, разве так можно! Агдама уже нет!

– Там есть много руин и большой белый минарет посередине! – процедил Мардагальян, – Вот там пускай и живут! Поручили, пожгли, мортапашты, а теперь на порог просят! В руины пусть едут, раз жить негде!

– Почтенный Мардагальян, прошу вас, не придавайте этому такого большого значения.

Они не останутся в городе надолго.

– С такими выродками города не останется! Принимать помощь от этих ватмартов, это...

– Мы не будем принимать от них помощь. Мы их просто используем.

– Они отморозки, и вы это прекрасно знаете!

– Нам и нужны отморозки. Которых не жалко натравить на Церковь Воссоединения.

И пусть жрут друг друга, пока без зубов не останется. А Коалиция добьёт.

Мардагальян мотнул головой.

– Эти бози тха даже такое провалить смогут, вот увидите.

– В любом случае, нам будет легче вести борьбу, если мы найдём человека, на которого можно свалить её последствия, – подытожил Кинель, – Мы примем их на время борьбы. А потом решим, куда поселить тех, кто останется. Я не думаю, что их останется много.

– Есть проблема, – Апраксин опять поднял палец, – нашим гладиаторам это может не понравиться.

– Я не думаю, что мы должны опасаться не понравиться волкам, многие из которых находятся в федеральном розыске.

– Они не только в федеральном розыске. Я немного отслеживал их. Судя по всему, они теперь ещё и в «Серых». Около года назад они точно вели переговоры.

– «Серые»?

– «Бозкюртлар», – почти выплюнул Мардагальян, – Бози тха, говорил же я вам.

– Да, «Бозкюртлар», или «Бозкурт», – Апраксин устроился в кресле поудобней, готовый, – или «Серые волки». Когда-то турецкие националисты, а в наше время где только не пролезли. В Германии очень сильны, а также, как ни удивительно, в Азербайджане. Конечно, по сравнению с какими-нибудь талибами они убили мало народу... но вы надеюсь, понимаете, что это только по сравнению. К тому же, они не брезгают союзничеством. Кое-кто влиятельный их очень ценит – я не буду называть её фамилию, её слышало даже подросток поколения.

У них тоже есть лагерь, оружие, идеология и тому подобное, а ещё долгая история. Например, очень помогали Эльчибею. Кто-нибудь помнит Эльчибея? Мардагальян вот, вижу, помнит. Он вам и расскажет, если что, и фотографии принесёт. А я вам пока скажу, что в Кинополе с ними ссориться можно, но не раньше, чем мы избавимся от Церкви. У нас тут, конечно, не «исконно турецкие земли», но это не мешает им убивать. Поэтому, кидать «Серых волков» я всё-таки не советую. Я думаю, будет лучше, если мы их просто поссорим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.